

Александр Плетнёв

УГЛЁМ И АТОМОМ...

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Плетнёв

Углём и атомом

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Плетнёв А. В.

Углём и атомом / А. В. Плетнёв — «Издательство АСТ»,
2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-135974-4

Разобравшись с боевым дозором японцев в Беринговом море, корабли Рождественского дошли до Петропавловска-Камчатского, где, совершив короткую остановку, направились дальше на непосредственный «театр боевых действий». Сопроводивший корабли адмирала Рождественского вплоть до Авачинской бухты ледокол «Ямал» должен был уже возвращаться обратно – арктическим путем на русский север, но... Неожиданно вмешались новые силы и обстоятельства... и третья сторона, которой уж очень было любопытно – что это за такое «секретное ледовое судно» появилось у русских. Любопытно настолько, что исполнителям на месте были даны весьма радикальные приказы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135974-4

© Плетнёв А. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Век вчерашний, год старинный	6
«Пираты»	17
Дорога, ночь, луна-фонарь...	23
Совсем не тихий Тихий	26
К месту действий	28
Цепной реакцией влечась...	35
Назревая ситуацией...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Плетнёв

Углём и атомом

© Александр Плетнев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Век вчерашний, год старинный

*Выйду и – по берегу
Строки повторяю.
Я минуты берегу,
А года теряю.*

Начало века двадцатого неотвратимо врывается в столицу Российской империи телеграфным стрекотом, зуммерами телефонов, клаксонами автомобилей, праздничными зрелищами уже не монгольфьеров, а полноценных дирижаблей, модой на кожаные одежды шоферов... или пилотов аэропланов.

Утренний Петербург... улочки, улицы, проспекты, площади. Где воистину «смешались люди, кони» – замысловатый снующий хаос из всяческих упряжек, понурых и понукаемо-рысящих лошадок: повозки, пролетки, конки-трамвайчики.

И признаки технического прогресса: локомобили, бензиновые, газолиновые ландо.

И звуки-звуки – людской гомон, гудки, цокот копыт, свистки.

И запахи-запахи – конские потные, машинные выхлопные, вокзально-паровозные, сдобно-булочные ресторанные.

Дома, особняки, дворцы... такие узнаваемые, и такие незнакомые на придиричивый и пожирающий взгляд. Не послеблокадная Ленинградская реставрация, а дореволюционно-имперская, исконно Санкт-Петербургская – свежая, натуральная «обертка», отделка, облицовка, покраска: камень-дерево-бумага...

И люди-люди – изысканное вежливые, важные деловые, разночинные простецкие, мужицкие неотесанно-чесночные. Опрятные, неряшливые... всякие.

Усы, усы, бородки, бороды – мужчины... встречные и проходящие: мундиры, пальто, накидки, сюртуки, шляпы, фуражки, картузы, пиджаки, подпоясаны рубахи, да брюки в сапоги.

И дамы, сударыни, словно селедочки-стайки гимназисток: манто, платья, до пят юбки, зонтики и шляпки.

На перекрестках заправски-важные городские, околоточные, а за чугунами с завитушками воротами классически не без хмельного дыхания дворники.

Блеск фасада с разодетыми господами... и нищая милостыня у церквей.

Дворцы... и ветшалые окраины.

Роскошь и убожество.

В эти уже стылые дни, кутаясь в под стать времени года и века одежды... одежды не всегда практичные, грубоватые, но добротные и... основательные, что ли. И как ведется, непременно выражающие твой статус и положение.

В эти осенние дни Александр Алфеевич Гладков разрешал себе вот так иногда за бременем дел и несвойственной нынешним временам суетой, выйти спозаранку из дома на Ружейной. Либо, проехав в карете пару-тройку улиц... на набережную ли, на площадь или проспект по выбору, приказав кучеру остановиться, пройтись пешком, впитывая вместе с утренним воздухом дыхание эпохи. На свою оценку и просто в наслаждение, на слух, на ощупь... как, взяв изящно-вычурную позолотой телефонную трубку, услышать на коммутаторе милый незнакомый голос и, подобрав, просить: «Ах, барышня, соедините...».

И слышать-привыкать ко всем этим: «позвольте», «будьте любезны», «премного благодарен», «не извольте сумлеваться». Когда расхожие в быте «бог» и «боже», с прочими «вот те крест», подавались по-иному, вкладывая глубинные смыслы.

А еще слышать иногда вслед «чудит барин»... очевидно, совершив очередной хроноляп.

И думалось: «вот все оно ходит, бегает, ездит – живое, руками шупать, глазами смотреть, флюиды вдыхать! А все одно нет-нет, да и ловишь себя на мысли: ты на экскурсии в историю и их давно всех нет – умерли!»

А потому и осознаешь окружающее, как еще «не свое», и вроде уже и не «чужое», скорей пока «не принятое», а только терзаемое... головокружительно и бесповоротно.

Неужели бесповоротно?

«Гнать, гнать этих мух из головы, покуда есть задачи. Есть дело... и дела!»

А дела... это толкать прогресс...

Дела – это фабрики, заводы, верфи. Казенные и частные.

Посмотришь – цеха, ангары, стапеля! Вроде бы размах, притязания и... господа, какая же убогость. Если с оценки перспектив и ставленных задач.

Кронштадт, Адмиралтейские верфи, Невские, другие...

Заводы: Обуховский, Путиловский, Ижорский и дальше, дальше...

Инженеры: удивленные увлекшиеся... и зажатые сомневающиеся.

Мастеровые, работаги: рукастые, хваткие... и криворукие. В массе и по отдельности.

Полигоны, испытательные площадки, офицеры, чины – морские, армейские: заносчивые и недоверчивые, снисходительные и упрямые, с гордым «честь имею» и вынужденным (когда им бумажкой царской перед носом) «исполним» или «рад стараться».

В общем... как-то так.

И снова чиновники, чиновники в погонах – а они тут практически все в ранге: важные и спесивые, угодливо-подобострастные, порядочные и радеющие, хваткие и жадные.

Как там говаривал неувядаемый Ося Бендер: «мы чужие на этом празднике жизни».

В точку!

Или, может, просто мало времени прошло, чтобы нажить друзей?

«А не поздновато ли для вашего возраста, господин Гладков – особо уполномоченный ЕИВ, опекаемый не менее дюжиной тайных агентов “охранки”, не считая открытого сопровождения жандармскими чинами, заводить новых друзей?»

О нет! Если не друзей, то хотя бы уж единомышленников. А достойные люди всегда есть! С любопытством, энтузиазмом, пониманием.

Но врагов-то уж точно теперь наберется. Среди дворцовых прихлебателей, например. И это при всем при том, что сам царь-самодержец тебя-то и не особо жалует! Скорее терпит по необходимости.

А жандармская опека – в ней, несомненно, есть нужда и целесообразность, но людей окружения решительно отпугивает. Вот потому и существуешь в определенной социальной изоляции.

И потому даже сержант-морпех, которого знать не знал на ледоколе, а вот теперь, поди ж ты – «за своего». Хроноземляки!

Контакты с ним (с сержантом, а ныне целым штабс-капитаном Богатыревым) были постоянные, покуда он на полигоне гвардейского корпуса дрессировал свое подразделение. Готовил к обкатке на японцах.

Вот и пер в его учебный центр все, по сути, кустарно-экспериментальные – минометы, ручные гранаты, автоматическую стрелковку, бронежилеты с касками, вплоть до камуфляжки с берцами. И пулеметы флотские на новые облегченные станки переточенные. Да тачанки-растачанки. Все, до чего руки (на скорую руку) и возможности при нынешних промышленных мощностях дотянулись.

По изначальному замыслу морпеха в Петербург отправляли как демонстратора вооружений XXI века. Командир его, лейтенант Волков, выбирал кандидатуру, исходя из необходимых характеристик в столь неоднозначной миссии, учитывая, с какими персонами придется общаться. Но сержант оказался молодцом. Без дури, не переоценивая себя, когда выкристаллизовалась идея сформировать подразделение нового образца, лишь оговорился:

«Я ж взводный, не более! Куда мне ротой командовать? Мне самому еще учиться!»

Однако не отказался. Понимал чертяка, какие перед ним перспективы открывались.

Ну, и вступил в «партию», иначе говоря – окрестился, присягу принял, звание получил, ушки отрастил. Все чин чинарем.

Звание получил не без каких-то там известных ранговых сложностей. Но за особым рескриптом императора, чтоб придать вес такому нужному специалисту – сразу в штабс-капитаны!

А учитывая, что его подразделение разрослось от роты практически до полноценного батальона, с приданной артиллерией (тоже, кстати, эксклюзивной доработки), конным и вообще несусветь – автомобильным обеспечением, повышение ему гарантировано.

И солдатиков гоняет так, что только дым коромыслом, по-серьезному, вплоть до двоих погибших на учениях, не считая десятка раненых.

Потери не в заслугу, конечно, но при обкатке нового оружия такое случается неизбежно.

В общем... морпех оказался понятней и родней, нежели кто-то из аборигенов.

Сели как-то с ним на полигоне в палатке, с привозом очередного литья из чугунины – более удачной партии гранат для минометов. Дело было к вечеру – ужин, по-походному, с бутылкой, да и залили «горькую».

Парень удивил:

– Мне на эту войнушку на Дальний самому надо до зарезу – проверить, чему я их научил. И справлюсь ли?! А еще показать и доказать некоторым тут «мундирам», как работают фланговые пулеметы и... – и махнул рукой, – тут все надо показывать. Не берут они многое просто на веру. Особенно кто чинами повыше. И даже царское распоряжение им не указ. Бьюсь, бьюсь, а толку. Своих-то вымуштровал, офицеров просил помоложе – так и выделили вполне нормальных ребят, неглупых. А вот господа енералы... мать их! Блин! И напиться по-нормальному ни с кем нельзя...

– Отчего же?

– Да меня и так уж достало – постоянно контролируешь себя. А по пьяни тем более боюсь, что болтну чего лишнего – откуда я, и вообще...

Помню, как на ледоколе кто-то мысль выдвигал – валить в Америку и оттуда России помогать. Мы потом в кубрике с парнями даже дообсуждались до корпуса наемников из-за границы. Да и вы ж говорили, что пока на Руси танки, подлодки, самолеты освоят, «запад», как всегда, вперед убежит.

– Ты эти мысли вслух не говори, про «валить в Америку». Тем более что не очень они и умные... мысли эти.

– Да понимаю я. Скушали бы там нас. Всем скопом и по отдельности. Так ведь и тут могут. Насмотрелся на господ полковников-генералов. Словно я на их место мечу или метю. Х-хэ.

– И все одно – не болтай. Болтун находка для...

– Шпиона? – Пьяно оскалился.

– Для «охранки».

И почти синхронно оглянулись... каждый за свое плечо – тонкий брезент военной палатки свободно пропускал все звуки снаружи: топот солдатских ботинок, командные окрики, лошадиное ржание, лязги и стуки амуниции.

А жандармский эскорт Гладкова где-то тут же рядом отирался. И вполне мог «греть уши».

Что характерно, подобная доверительность теперь имела место быть и с еще одним прибывающим в Петербурге «попаданцем».

Точнее «попаданкой» – Богдановой, медичкой, на которую раньше в «атомфлоте» смотрел скорей сурово по-стариковски (хотя вправе ли?).

А ныне встретишь – прям родные!

Да и уж не вертихвостка, а дама, да еще и претендующая на ученые степени в медицине.

Наталья Владимировна в Царском Селе тоже частый гость – мальчика-наследника смотрит. Пересечься с ней не всегда удавалось, но порой, вот так и накоротке, случалось обмолвиться парой фраз.

– Здравствуйте, Наталья. Что там за переполох был в покоях цесаревича?

Глянула из-под ресниц переспелыми вишенками:

– Добрый день, Александр Алфеевич. Да, у малого, Алексея-наследника, очередное обострение.

– А не пройти ли нам по аллейке, от ушей лишних? – тут же предложил негромко, взглянув на часы – до назначенной встречи время еще было.

Степенно шли, под ручку даму взяв.

– Так что же там случилось с цесаревичем?

– Ничего фатального. Мальчик больной и абсолютно здоровым никогда не будет. Я делаю все, что могу в доступных медицинских средствах. Иногда случаются рецидивы. А эта... – что-то сугубо нецензурное утонуло в змеином шипении, – простите, стерва взъелась. Она думает, что я всесильна, раз из будущего.

– Тихо, тихо, милейшая, нам ни в коем случае нельзя поддаваться эмоциям и тем более выражать их.

– Проблема в том, что они просто не знают, как оно было бы без квалифицированного медицинского вмешательства. У больного и трети того не наблюдается, что случалось в реальной истории. А для нее любой чих ребенка – это уже катастрофа.

– Ты, Наташенька, дело это не запускай. А то недолго, и до Распутина доживем. Говорили мне, что во дворце уже какой-то юродивый объявился. Очередной целитель?

– Клоака средневековая! Помешанные на мистике, святых, блаженных... экстрасенсы поповские! Право, не знаю, целитель ли? Какой-то пророк-прорицатель. Грязный, нечесаный, ходячая инфекция. Я категорически запретила пускать его в детскую. Косятся теперь уроды, крестятся, за спиной шепчутся. Недавно вообще в спину услышала «нерожуха». Тоже мне – нашли в чем обвинить.

– Чужие мы тут. Хорошо, если позже обживемся. Я хоть и по технической части, а тоже хватает всего этого... я бы сказал, классового непонимания. Дворянчики нас видят насквозь – что кровь не благородная. Народ, как и положено, быдлится. Кто мы для них? – баре. Средний класс-сословие – сторонится. Но тут понятно – при мне постоянно жандармы. И даже заводчане-инженеры держат дистанцию, хоть и вежливо – по имени отчеству и в рот заглядывают, как водится, преклоняясь перед нашей кажущейся иностранщиной.

– Скажем, и у меня охрана постоянно приставлена, – изобразила глумливую улыбку, – дожие усахи гвардейцы...

– Ну-ну, – подыграл.

– Не «ну-ну», а «но-но!» Я себе ничего не позволяю. У меня великое медицинское будущее! Но как же мне эти шовинисты-мужланы при академических званиях осточертели. А ведь не блондинка! И спорят, и против прут, бороды в клочья, не потому, что не согласны, а просто наперекор. Потому что баба! А раз баба – значит, дура.

– Ну. Не без истины ж...

– Да знаю! Кто ж спорит. Но не в науке ж-ж-ж! – С непередаваемой смесью – огрызнулась, усмехнувшись. Сквозя этим «ж-ж-ж» почти с издевкой, но и... без особого кусачества.

– Так уж все плохо? – Поднял бровь на вполне цветущую женщину, мелькнув мыслью: «да, по здешним меркам бездетная баба-нерожуха “за тридцать”, это даже у дворянчиков моветон».

– Да не так уж, чтоб во всем-с, – смеется глазами-колючками.

– Ох, уж эти ваши дамские штучки. Не забывайте, женское счастье ориентировано на чувства. Медицина медициной, наука наукой, а любовь нечаянно нагрянет...

Промолчала, проведя украдкой взглядом по фигуре собеседника – не в тех отношениях, да и возраст почти отеческий, чтоб упражняться в словоблудстве.

На том и расстались, расходясь по своим делам.

Не оглядываясь, беря: «Появилась, насладила и ушла, оставив приятное послевкусие».

* * *

Помяни черта, он тут как тут! Блаженный дурачок со страждущим лицом выскочил не пойми откуда, кривляясь, брызжа слюной, осеняя себя крестом, лепеча на старославянском – едва разобрал про какие-то «беды на Русь-матушку и проклятья на голову пришлого».

Гладков ускорил шаг, оставив юродивого позади, с укориной взглянув на двух приставленных жандармов, дескать, «почему не оградили».

Поспешил – император ждет – краем глаза замечая, что сегодня на территории и по периметру как-то уж многовато гвардейцев.

Царь Николай, как всегда, не соответствовал парадным портретам, развешенным на безбрежье российских чиновничьих кабинетов.

Сегодня так и особенно заметно – мешки под глазами, старее, отечней и желтее кожа. За версту несет от усов якобы дорогим благородным табаком... вот уж действительно – пепельница.

Движения немного рассеяны. Поздоровался с гостем. Сел в кресло, предложив легким хозяйским жестом: на столике курево, слегка початая янтарная с рюмашками, в отличие от стереотипа – кусковой черный шоколад к прикусу¹.

Только вот нерадостный совсем царь всея Руси, задумчивый, словно гнетущийся, томимый чем-то:

– Я иногда удивляюсь, как вы осторожно присаживаетесь. Не бойтесь – мин нет.

– Что вы, ваше величество. Для меня это музейные экспонаты. В прошлый, хм... далекий раз я здесь бывал на экскурсии, и эти диванчики отгораживала веревочка, а также возбраняющие надписи «садиться запрещено».

– И как он через сто лет? Дворец? Чернь и пьяная революционная солдатня не разграбили?

«Ого! – подумал Гладков. – Раньше он таких тем избегал. Уж про «чернь» от него ни разу не доводилось слышать».

– Музей есть музей, ваше величество. Тогда, пытаясь вдохнуть эманации эпохи, прочувствовать, как жили, пусть и избранные люди, все одно наткнулся на плесень веков. Сейчас же, – Гладков окинул взглядом помещение, провел рукой по спинке кресла, – все естественное, живое и как бы на своем месте. Вот там, в стеклянной витрине висели платья императрицы и чьи-то военные кители. Наследника или ваши. А рядом увеличенная фотография всей семьи Романовых: Николай Александрович, э-э-э... в смысле, вы. Ваше фото с супругой и детьми...

¹ Гладков, видимо, ожидал к коньяку так называемую «николашку» – лимон, присыпанный сахарной пудрой и молотым кофе.

– Прекратите! – Скрытое раздражение самодержца, наконец, вышло наружу. – Вы обо мне говорите как о неживом. Понимаю, что я для вас лишь часть истории. Вот и наслаждайтесь тем, что общаетесь с этой самой историей.

Александр Алфеевич попытался смягчить тон:

– Все, что с нами происходит (и произойдет), уже прожито кем-то, описано в книгах и хрониках. А мы... мы, пусть даже зная об этом, все так же ломимся вперед, словно ступая по чужим следам, где легко, где упрямо, повторяя уже совершенные ошибки.

– Или делая новые, еще более фатальные, – невесело дополнил самодержец. И после паузы: – Вы не задумывались о том, что ваше появление в этом времени – всего «Ямала», со всеми технологиями, планами переустройства России, прогрессорством, – Николай выделил это слово, указав кивком на выложенную гладковскую папку с очередным отчетом, – приведет к еще худшим последствиям?

– Я и предлагал проводить коррекцию осторожно, с компенсациями, чтобы не раздражать Его, – и Гладков вскинул глаза, указывая вверх, явно намекая на Бога.

Император с прищуром уставился, буквально впился взглядом в собеседника.

Гладков, немного напрягшись, понял, что этот глубоко верующий человек придирчиво пытается разглядеть хотя бы намек на кощунство... а потому согнал с лица все эмоции – полная серьезность.

Сверление глазами продолжалось недолго. Наконец Романов выдохся, словно сдулся – взгляд поник, плечи опустились:

– Судьбу не изменить, – венценосная рука, маскируя минутную слабость, вяло отыскала наполненную рюмку.

Александр Алфеевич незамедлительно поддержал монарха, опрокинув в рот свою порцию алкоголя, а перед глазами встал юродивый:

«Твою мать! И чего ж так люди ведутся на всех этих шарлатанов-кашпировских? Что этот очередной “козельский дурачок” напроорочил, что царь буквально в лужу уселся – не пошевелить?»

– Компенсации, коррекции, – тянуче передразнил государь, – все мы рабы божьи, жалкие игрушки в руках Господних. Но я знаю – вы атеист, потому скажу на вашем языке: само мироздание противится и берет свое. Вот, взгляните.

Гладков принял лист бумаги, судя по заглавию – докладная жандармского управления. Бегло прочитал, уже давно не спотыкаясь на ятях. Суть – убит Плеве, и что поразительно, тем же исполнителем-эсером, который по логике должен был находиться или в тюрьме или в ссылке.

– От судьбы не уйдешь! – Фатализм из самодержца так и пер.

– Тем не менее месяца три у нее выторговали, разве нет? В той истории господина Плеве, по-моему, убили в июне. Или июле... точно не вспомню.

– А если мы, вмешавшись в Божий промысел, в гордыне своей человеческой сотворили нечто неудобное... и за эту отсрочку последует наказание? Еще суровей? Когда вы объявились... из своего будущего века, я узрел в этом ниспослание нам надежды Господней в годину трудных испытаний. Но теперь мне открыли глаза...

(Гладков проклял всех пророков вместе взятых).

– ...святой старец, провидец! – гнул между тем Николай. – Он говорил о еще больших бедах, кои ожидают Россию...

Воспользовавшись паузой, Гладков попробовал сбить этот пораженческий настрой монарха:

– Про то, что Россию постигнут бедствия (сиречь войны), можно писать с периодичностью в 10–15 лет, и не промажешь!

– Отец мне завещал крепить самодержавие. Буду следовать сему! Все будет идти, как предначертано. Соизмеряя, что ваше вмешательство уже сломало тот порядок, коий был положен Господом. Но я не желаю, чтобы эти изменения приобрели лавинообразный и неуправляемый характер. Вы меня понимаете?

– То есть... – на мгновение Александр Алфеевич потерял дар речи, – все программы сворачиваем? Столь катастрофично?

Романов устало взглянул на собеседника, подрагивая губами, видимо желая что-то сказать, но осекся. Потом все же вымолвил:

– На кону жизни. Многие жизни. И пока не будет обеспечена безопасность, не следует предпринимать необдуманных решений.

* * *

В Царском проторчал до позднего вечера.

Несмотря на то, что Романов что-то там для себя окончательно решил, Гладков располагал да и просто обязан был все терпеливо выслушать. И уж затем обоснованная аргументация «попаданца» вылилась в попытки убедить и доказать, в спонтанные споры, прерываемые обедами-перемириями.

Маститые историки утверждали, что Николай II не любил, когда ему навязывали чужое мнение, но ведь известно, что «слушающий человек» всегда прислушивается.

Так что никакой катастрофы пока не было, кое-чего «выторговать» удалось... пусть и «осетра основательно урезали».

Больше всего Гладков боялся, что будут похерены все северные проекты. Так как именно там собирались строить субмарины. Там же планировалась закрытая научно-производственная зона, военно-морская база, верфь и, в конце концов, парковка «Ямала». Туда собирались тянуть «железку». Там же, на Коле имелись алюминиевые руды, необходимые для производства «крылатого металла».

И царь, словно желая удалить все, что связано с пришельцами, подальше от центра империи и столицы, в этом плане не особо кочевряжился.

Денег на разработки тех же высокотехнологичных двигателей внутреннего сгорания, которые можно уже будет ставить на авто- и бронетехнику, на самолеты (особенно на самолеты), выделить обещал.

Но размах был уже не тот.

А ведь в средствах нуждались в том числе разработки в сфере радиоэлектроники, в химической промышленности и... там по пунктам воз и тележка.

Тем не менее жучара-монарх не отказался вложиться на правах дольщика в коммерческие проекты по бытовухе (включая косметику и всякую канцелярскую чушь) – то, что собирались по большей части гнать на экспорт.

А по поводу всего остального?

Что там царь всея Руси сказанул? – «...все будет идти, как предначертано».

Но Гладков нисколько не сомневался – необходимый толчок уже дан! Фундамент, как говорится, подстелен.

Что? – те новации, что двинули в металлургию, царь прикажет зарубить?

Да сами заводчане не поймут.

И Тринклер завелся, что тот дизелек². Черта с два его с пути теперь свернешь.

² Густав Васильевич Тринклер – создатель первого в мире бескомпрессорного дизельного двигателя.

Будут в России свои трактора! Примитив пока, но на это время и технический уровень самое – то! Тем более что в реальной истории, в шестнадцатом году, власти империи и без того дали команду на их производство. Подумаешь, пойдет дело чуть раньше!

А к Великой войне прочность, легирование и другие наработки со сталью, при данном заделе, выведут на нужный уровень, и пойдет техника уже на нормальном гусеничном ходу. Глядишь, и удивим немчиков танковыми клиньями.

Еще бы озаботиться закладкой заводов по производству боеприпасов, чтобы потом в «снарядный голод» втридорога не закупать за границей.

А еще, а еще... и таких «а еще» была все та же целая «тележка» и вот такая столечка!

* * *

Потом прибыл Федор Карлович Авелан, и переключились на морскую тему. Тут адмирал по-своему подыграл настырному «пришельцу».

«А что? – рассуждал Александр Алфеевич. – Освоение и производство турбин, нефтяных котлов – надо? Надо.

Понятно, что будут колоссальные трудности, и пусть первые образцы можно уже приглядывать за рубежом, хотя они там (их инженеры) тоже идут, по сути, методом тыка. Но благодаря электронной библиотеке имеются уже готовые, без конструктивных ошибок компоновки и схемы. А на кое-что стоит и вовсе привилегии взять.

Заказать отдельные, самые трудоемкие узлы на немецких или английских заводах. Для конспирации и по уму вообще бы у разных фирм, но как уж получится... и лепить все уже на месте.

Начинать пока с малого, апробируя новации на типа «Новиках», которые наверняка уже будут «Супер-Новиками»³.

А эксклюзивный метод расчета форсунок котлов поставит Россию впереди всех европейцев... это как минимум экономия топлива и прибавка скорости судна.

Электросварка уже запатентована. На «западе», если и попытаются что-то слямзить в обход патента, лет десять провозятся, прежде чем выйдут на оптимальные параметры.

Бесспорно, и самим, конечно, придется промудряться с технологической отточкой, но двое из экипажа ледокола проработали инженерами на судоремонтном как раз по профилю. Так что специалисты есть. Зато корабли будут сразу со сварным корпусом. Как следствие – большая продольная прочность, а стало быть, возрастет долговечность и время эксплуатации. А если и бронепояс включить в силовой набор, так это еще несколько тонн освободившегося веса.

Определенно – все эти технологии изначально освоить на малых тоннажах, на эсминцах, крейсерах.

Крылов там возится со своим опытовым бассейном – подкинуть ему чертежи⁴. Дело быстрее пойдет. Затем... с учетом того, что с линкорами просто демонстрацией⁵ обойтись не удастся, и зная, как русские долго запрягают, озаботиться с закладкой корпусов уже года через три. А то и раньше, но произведя необходимую оптимизацию и расчеты. Заранее делать проекты под башни и орудия больших калибров – как раз ко времени «обуховские» подспеют⁶.

³ Эскадренные миноносцы типа «Новик» с паротурбинными силовыми установками и паровыми котлами высокого давления, отапливаемыми только жидким топливом. Развивали скорость полного хода до 36 узлов. Пожалуй лучшие корабли этого класса из участников в Первой мировой войне.

⁴ Крылов А. Н. – русский ученый-кораблестроитель.

⁵ Речь идет о концепции «Fleet in being» – демонстрация только наличия мощного флота сдерживает агрессивные намерения политических оппонентов.

⁶ Имеется в виду Обуховский завод, специализирующийся на оружейном производстве.

Но если все реализовать – игрушки-монстрики получатся замечательные! Все-таки линкор сейчас это самый весомый инструмент в политике и на море. До нормальных авианосцев еще лет двадцать раком-боком».

Гладков, нацепив на нос очки, перелистывал так тяжело давшие преференции.

Согласно бумагам, по предварительной оценке имперских денег на флот выделялось не меньше, чем планировалось, но теперь количество переходило в качество – при заметном сокращении, а точнее переформатировании дорогостоящей линкорной программы.

В общем, денек выдался нелегким.

И это еще не обговаривали артиллерийские вопросы, минное вооружение – парогазовые движители. И новую начинку в боевые части – тринитротолуол.

Пункты в плане (того, что было еще надо, и необходимо и обязательно) доходили до двухзначных чисел.

Но главное – вроде бы переломить пессимизм Романова удалось.

* * *

– Тихой сапой дело сдвинем, один черт, – пробормотал, успокаивал себя Гладков, уже следуя из Царского Села домой.

За размышлениями время шло быстро. За окном совсем стемнело. Карету немного потряхивало, сказывалось усиление (более жесткое) рессорной подвески. По времени должны уже был показаться огни Петербурга.

Отодвинул шторку, заглядывая через стекло вперед:

– Странно. Может, ехали из-за темени медленней? Тут такая светооптика у транспортных средств, что проще факелом дорогу освещать.

Поменял позу на более удобную, и снова вернулся к размышлениям, медленно, в раскачку кареты погружаясь в дрему:

«Интересно, а Романов свои бабки из английских банков выведет? Ведь знает, как его братец двоюродный Георг V прокинул с предоставлением убежища. А еще надо бы накрутить хвосты местным российским банкирам-спекулянтам.

Нет, какие-то социальные преобразования в России и без нас намечались. Хорошо бы и их ускорить с оглядкой на советский опыт, и чем черт не шутит – китайский начала XXI века.

А вот всяким “парламентам”, “думам” и прочим говорильням с “манифестами” царь волю давать явно не собирается. Иначе – “здравствуй, революция”! А к чему ведут государственные перевороты, мы уже видели. Не надо!

Тем более что свержение царя организовали отнюдь не большевики и даже не эсеры, а бестолковые буржуины-либералы. А эти доморощенные демократы, при своей ко всему еще и управленческой некомпетентности, быстро сольют “проект Ямал” на “запад”, объявив, например, общемировым достоянием. Суки!

При таком раскладе, чем отдавать ледакол англам или другим “просвещенным”, так лучше уж “шоб никому не достался” и... стоп! Стоп, черт меня подери!»

Оказывается, все это время, пока ехали, в мозгу ворочалась сонной мухой одна свербящая беспокойность! И вот теперь эта мысль проснулась и как назойливое насекомое замечалась, стуча пульсом в голову, словно в застекленное окно.

Показалось ему или нет?

Понятно, что царь свое слово держит, играя в благородство. Но тип он по-своему продуманный и, очевидно, немало поднаторевший в дворцовых интригах.

В последнее время Николай все чаще, да едва ли уже не при каждой встрече, мушкетировал тему, что надо всему «Ямалу» с экипажем идти в казну. Людям давать присягу на верность, становиться подданными. Со всей причитающейся мутотой... куда входит обещанное дворян-

ство, звания-чины, возможно, должности, аттестации, естественно потянут под алтарь принимать веру. Дескать, не будете же вы всю жизнь в подвешенном состоянии?

Что это рано или поздно случится, Gladkov и сам понимал. При той линии, что они выбрали, это просто... ну, просто неизбежно.

«Но как говорят: будет день – будет пища! Дайте ледоколу вернуться с Тихого океана, а там уж поглядим».

А тут Николаша почему-то за целый день и словом не заикнулся!!!

Муха свое о стекло-подкорку отбила, отмучила. Теперь вылез червячок сомнений! И подозрений!

«А вдруг этот юродивый ностердабус, что присосался к царской семейке, насоветовал помазаннику вообще избавиться от пришельцев, от греха подальше? Утопят “Ямал” залпом в упор, мы и знать ничего не узнаем? А меня, Богданову и морпеха, если тот пулю не словит – там где-нибудь у реки Ялу держать в узде куда как проще, нежели сотню беспокойных голов экипажа ледокола, где у каждого свой нор, свои взгляды и интересы».

От этих мыслей Gladkov аж похолодел.

«И предупредить я никак не могу, если выйти на сеанс связи. Мы даже таких условных словечек не предусматривали. Если только нахрапом проорать кэпу – “бегите”!

А если я ошибаюсь? И у царя и мысли подобной не было? Ну не совсем же он дурак убивать курочку с золотыми яичками?

Бля-я-я!!! И что делать?»

И вдруг вспомнил, что сегодня с какого-то перепугу на территории дворца было так много гвардейцев.

«И кстати! А мой личный эскорт?»

Двоих жандармов он знал – они всегда при нем, а вот остальные... пусть он и не особо приглядывался:

«Вроде бы новенькие. С чего бы? И вообще, – прислушался к звукам снаружи. – Почему не слышно мостовой петербургских улиц... давно бы уж пора?»

Выстрелы снаружи прозвучали негромко, но от неожиданности резанули по ушам.

Первое, что сделал, так это незамедлительно заперся изнутри, вмиг вспотев адреналином.

Перемещаться по Петербургу, окрестностям, по делам, быстрее, конечно, на авто, какими б несовершенными они в эти годы ни были. Но преимущество большой кареты заключалось в том, что под его личным присмотром ее бронировали, даже днище! В двери вставили толстые, заказанные из Германии стекла, установив на окна быстро задвигающиеся бронешторки. Загнал на «путиловский», и там втихаря от посторонних глаз и языков за день все сделали. Потому и подвеску пришлось усилить. Да и лошадок тяговых теперь на пару увеличили. Но теперь его можно было взять только либо охрентельным фугасом, либо из пушки. У террористов такого девайса отродясь не водилось.

Рука скользнула под сиденье, нажимая потайную клавишу – еще одна предусмотрительность. Тайничок. «Калаш» туда бы не поместился, да и кто бы ему дал в дорогу сей громоздкий артефакт. А вот из арсенала морских пехотинцев еще на «Ямале» выделил «грача» – пистолет, о котором знали единицы⁷.

Вообще-то он как стрелок не очень. Потому даже на предложение Ширинкина обзавестись револьвером ответил отказом. Намеренно и специально. Теперь надеялся, что никто не ждет, что он вооружен.

Оставалось только выяснить – кто такие, чего им надо? Сразу его убивать, швыряя бомбы, не стали, значит, это не террористы.

⁷ Полуавтоматический самозарядный пистолет Ярыгина.

Карета остановилась. Послышались крики. Голоса. Топот. Лошадиное ржание.

Все почему-то ждал, что заговорят на английском... или еще на каком, но нет – лопочут по-русски.

Те там, снаружи подергали дверцу, сплевывая, переругиваясь.

Ладонь, сжимающая рукоять пистолета, в нетерпении совсем вспотела.

«Пираты»

Крейсерская война, рейдерская, каперство – названий набралось достаточно... суть концепции: перекрыть торговые коммуникации воюющего государства, остро зависящего от морских поставок. Существовали так называемые «крейсерские правила» и «морское призовое право», регламентировавшие поведение капитанов военных судов по отношению к торговым.

Рейдерская доктрина флота Российской империи, изначально строившаяся из расчета на противостояние с Англией, в этой текущей войне с Японией, рядом закономерных причин так или иначе все равно затрагивала интересы Великобритании.

Во-первых, как «главного морского перевозчика»...

К «во-вторых» можно было отнести самое очевидное – Лондон стоял за спиной Токио в этой разыгравшейся на дальних берегах военной драмы.

Тем не менее будем честными – помимо того, что грузы военного назначения широким потоком шли в Японию, нередко торговые транспортные суда (по большей части именно английские) «самоотверженно» прорывались в блокадный Порт-Артур... очевидно, из соображений продать подороже.

Наряду с запланированными рейдерскими операциями «Владивостокского отряда крейсеров» на коммуникациях вблизи японской метрополии (со всеми рисками натолкнуться на встречные действия противника), высшее командование Российского императорского флота решило расширить зону войны, перехватывая суда с военной контрабандой там, где боевые корабли Микадо могли объявиться только в гипотетических страхах штабистов под шпицем. А потому против «купцов» вполне годились быстроходные грузопассажирские суда, переоборудованные во вспомогательные крейсера, естественно вооруженные.

* * *

Еще пятнадцатого июня вспомогательные крейсера «Дон» и «Урал» вышли на крейсерскую операцию в Атлантику. Два рейдера обогнули Англию вокруг Шетлендских островов, оказавшись ближе к концу месяца на траверзе мыса Финистерре, что является крайней западной точкой испанского побережья. Далее им надлежало разделиться, начав прочесывание торговых путей и досмотр судов на предмет контрабанды.

Так было в реальной истории.

В нашем же случае командир крейсера «Урал» капитан второго ранга Истомин имел иной приказ – совершив промежуточный заход в испанскую бухту Виго, где русский морской агент передал ему телеграмму от Адмиралтейства. Пополнив запасы угля и провизии, «Урал» направился в сторону Гибралтара, имея целью рейдерства Красное море.

В это же время из Севастополя вышел пароход Доб рофлота «Петербург».

В известной истории «Петербург» сопровождал практически одноклассник «Смоленск». Эти два в дальнейшем вспомогательных крейсера основательно «пошалили» на торговых путях в Красном море, задержав нескольких британских и германских судов с контрабандным грузом для Японии, спровоцировав тем самым небольшую панику среди судовладельцев.

Дело было не совсем чисто – в связи с тем, что крейсера прошли через турецкие проливы под видом торговых судов и только потом были зачислены в состав ВМФ России, законодатели морских прав – англичане – возопили в «праведном» гневе, объявив их действия нелегитимными.

Дошло до серьезных дипломатических трений между Россией и Британией, что в итоге вынудило прекратить крейсерские операции в Красном море, а арестованные суда вернуть.

Сейчас же управляющий Морским министерством Ф. К. Авелан, имея представление о будущих проблемах, однако не желающий отыгрывать назад, решил повернуть все иначе.

Более того, понимая, что англичане все одно найдут повод к дипломатическим претензиям, склонился к более дерзким импровизациям (предложения исходили от молодых штабистов)... чисто по-русски⁸, махнув рукой: «семь бед – один ответ».

Как бы там ни было, «Петербург» (коммерческий на взгляд и флаг пароход) проследовал к Босфору – судовой беспроводной телеграф, боевые прожектора – все это было снято, орудия укрыты вместе со снарядами и орудийными станками под углем.

Угля, кстати, загрузили столько, что вода доходила до нижних иллюминаторов.

Экипаж, с расчетом на призовые команды, был увеличен более чем в два раза. Офицеры и матросы переодеты в гражданское – при проходе через турецкие проливы, вся эта ряженная как попало братия празднично шаталась на палубе, дабы у таможенных служб не возникло подозрений, что под «мирной овечкой» скрывается «серый волк».

О команде можно было бы сказать отдельно... набранная из разных экипажей черноморской дивизии, зачастую призванных из запаса, штрафников и прочих разгильдяев, представляла из себя колоритное зрелище – хмурых, неразговорчивых мужчин, среди которых попадались настоящие морские волки. Командир судна, зная, какая миссия ему положена, видел в этом определенную закономерность и некий перст судьбы.

Миновав Босфор и Дарданеллы, пароход уже через три дня стал на якорь у входа в Суэцкий канал. Приняв лоцманов, наконец, подняли военный флаг и вымпел, объявив тем самым свой статус. Впрочем, тут же их и спустили, чтобы никого преждевременно не пугать и не тревожить.

Так что из Суэца уже вышел не «Петербург», а вспомогательный крейсер «Днепр» под командованием капитана второго ранга Скальского Ивана Грациановича.

Команда неспешно устанавливала на штатно предусмотренные места орудия. Был развернут судовой телеграф, фонари электрической ночной сигнализации и два рея для дневной.

А еще через сутки, в условной точке в стороне от интенсивного судоходства и лишних глаз, произошла встреча с подельником – вспомогательным крейсером «Урал».

Два дня корабли простояли борт о борт – бывший «Петербург», путем добавления фальшивой, но быстросъемной трубы, характерных бутафорных изменений в надстройке и, особенно в носовой части, а также некоторой возней с мачтами, приводили в вид хотя бы отдаленно похожий на собрата по оружию.

По замыслу морского штаба «Днепр» должен был проводить свои рейды, маскируясь под легитимный вспомогательный крейсер «Урал», чтобы хоть в этом случае ни у кого не было повода придираться.

Если же произойдет встреча с военным кораблем, всегда можно вовремя сменить ложную личину на свою, пусть и полузаконную.

Если случится казус, что якобы вспомогательный крейсер «Урал» засветится в разных частях Красного моря одновременно, так то еще доказать надо. Мало ли чего взбреднулось шкиперам торговых судов.

Что касается будущих «жертв»... на самом деле рассчитывать на то, что капитаны «торгащей» не заподозрят разницу между двумя судами, можно было только на первое время.

Однако вся операция и не предполагалась как долгосрочная... зная скоростную реакцию «главных гарантов безопасности морской торговли».

⁸ Ф. К. Авелан имеет шведские корни.

* * *

К концу вторых суток переделки, перелицовки, перекраски два капитана, два командира, стоя на мостике, преля от жары, глядя, как матросы, голые торсом, успевшие обгореть, повязавшие на головы платки или старые обрезки тельняшек... короче, живописные, как самые настоящие пираты, сошлись во мнении:

– Одеть на мачты паруса попутным ветром! И лихие сорвиголовы по вантам – что те корсары карибских одиссей! А?!

– И, эх! Поднять «Веселого Роджера» – вперед под «пятнадцать человек на сундук мертвеца!»

– Скажете тоже, Иван Грацианович, – хохотнул Истомин, – «Веселого Роджера». Не подходит нам. Но для пушей демаскировки стоило бы нарисовать череп с костями на той трубе, которая у вас фальшивая. И я бы в свою очередь приказал своим людям изобразить подобное на «Урале». Чай не флаг, а баловство. Зато все будут помнить только этот знак, не обращая внимания на мелкие недочеты в нашей идентичности.

– Возможно, возможно-с. Вся эта затея Авелана Федора Карловича немного сомнительна, однако, надеюсь, там, в штабе руководствовались вескими причинами.

– Не боитесь быть уличенным в пиратстве?

– Да ни боже мой. Для этого еще уличить потребно. Двойные документы и инструкции выданы в полной мере, – Скальский побряхтел, изображая смех, – так что, Михаил Константинович, побуду периодически вами! Нам главное быть начеку и поддерживать беспроводную связь. И, кстати, носовую часть под клипера проще будет чуть видоизменить вам – на «Урале». Не находите?

А под корму мало кто смотрит...

* * *

На следующее утро быстроходные рейдеры вышли на «большую дорогу» – началась охота на «купцов».

Согласуя свои действия шифрованной морзянкой, два «разбойника» практически перекрыли узкое горло Красного моря, стараясь не пропустить ни одно подозрительное судно.

За время крейсерства план по досмотру и аресту контрабанды был перевыполнен раза в два с половиной. Было проверено более 40 судов, треть из которых отправили с призовыми командами в Либаву.

В мировой прессе поднялась недовольная шумиха, полетели статейки из-под пера, зарубежные газеты запестрели рисунками злодеев русских под пиратским флагом.

Захват пароходов, помимо того, что всколыхнул английскую прессу, спровоцировал массовые возмущения со стороны пароходных компаний. Поползла вверх цена страховки морских перевозок, и в первую очередь это ударило по карману альбионцев.

Лондон выставил России дипломатические ноты и протесты, ко всему отреагировав самым самым естественным для себя образом – уже в сентябре крейсера-скауты Королевского флота зашли в Красное море, пытаясь пресечь действия русских пиратов.

Откровенно «запахло жареным»...

Однако два русских рейдера дерзко, на грани фолла, еще полмесяца водили за нос английских капитанов, и только ближе к середине октября свернули операции в Красном море. Тем более что к тому времени давление Великобритании на российское правительство возымело свое действие.

Ко всему «Урал» имел частые поломки машин, команды вспомогательных крейсеров изрядно вымотались, сказывались тяжелые климатические условия – жара, люди спали на палубах, так как в кубриках было порой невыносимо. С появлением английских военных кораблей росло напряжение, требовалось быть особенно внимательным в довольно тесной акватории Красного моря. Особенно в темное время суток. Орудия держали постоянно заряженными. В итоге уже просто не хватало матросов на призовые партии, в связи с чем последние задержанные с контрабандой суда решено было топить.

Распоряжение Петербурга «возвращаться в Либаву» было принято с радостью.

* * *

Это был их последний день в Красном море.

На «Урале» вылезла очередная поломка. Крейсер с одной работающей динамо-машиной уже отбыл, втянувшись по всем штурманским расчетам в Суэцкий залив.

«Днепр» по договоренности держал дистанцию, следуя позади в сотне миль, все еще находясь в Красном море.

Шли, поддерживая 15-узловый ход, используя лишь две трети котлов, придерживаясь пока в стороне от основных торговых путей, которые по слухам уже довольно плотно опекали английские военные суда, встречаться с которыми, вестимо, желания не было.

На вахте старшим прапорщик по морской части, судя по фамилии Кисель – из малороссов, призванный из торгового флота на время войны. Таких «временных офицеров» на вспомогательном крейсере было больше дюжины. Поначалу кадровые офицеры смотрели на них свысока, а то и вовсе посмеивались – за их простоту и незнание тонкостей офицерского этикета. Но вскоре, поучаствовав в стычках с нередко строптивыми экипажами задержанных судов, собранная с миру по нитке команда спелась, найдя общий язык.

На мостик поднялся командир, вахтенный доложил об отсутствии каких-либо неприятностей, с ходу предложив:

– Иван Грацианович, пора бы снимать фальшивую трубу. Зайдем в канал вслед за «Уралом», схожие с ним по виду, вызовем ненужные подозрения и разговоры. Да и в реестре у нас их две указано...

– Успеем, – благодушно взглянул на хронометр капитан и добавил к месту или не к месту: – Стемнеет скоро.

Через четверть часа сигнальщик известил, что наблюдает дымы на носовых румбах.

Некоторое время сближались с неизвестным судном на контркурсах, не делая пока каких-то выводов – кто это может быть. Лишь вахтенный офицер высказался, ощерившись:

– А ведь зная, что на торговых маршрутах бродят русские каперы, какой-нибудь продуманный шкипер с контрабандой в трюмах мог решить обойти стороной.

– Скажете тоже, «каперы!» Мы на службе, – улыбнулся усы Скальский, помня, как их только не называли возбужденные газетчики: «пираты», «флибустьеры», «корсары» и просто «бандиты». «Каперами», кстати, тоже, что звучит ни лучше ни хуже.

– Не удивлюсь, если это окажется какой-нибудь «Эклипс», а то и «Хайфлайер»⁹. И нам действительно следует срочно менять личину.

– Судно отворачивает! – прокричал сигнальщик.

– Впрочем – нет! Все-таки вы правы, это хитрый «торгаш». Идем на перехват. Лево руля. Ход «полный!» Боевая тревога!

– Но позвольте! – Глаза прапорщика смеются. – Нам же приказано возвращаться в Либаву?

⁹ «Эклипс», «Хайфлайер» – тип крейсеров 2-класса британского Королевского флота.

– Все верно! Приказ был «возвращаться», что мы, согласно курса, и делаем, – капитан второго ранга Скальский принужденно согнал улыбку, лицо его заострилось, приобретя хищные черты, – но другие приказы он не отменял. Не так ли?

Нагнали быстро, однако корыто под британским торговым флагом упрямо не слушалось сигналов остановиться, тут же затрещав в эфир «морзянкой», не скрывая открытым текстом, извещая, что его «преследует русский разбойник».

– О! Да у него даже телеграф есть! А наш-то «маркони» что?¹⁰ Прозевал? Дайте ему поднос из трехдюймовки! – флегматично приказал Скальский.

– Будет нам еще один придурок-капитан, как на «Малакке», – ворчал ревизор крейсера мичман фон-Шварц, обычно возглавлявший досмотровые партии.

После первого же выстрела «британец» застопорил ход, впрочем, не прекратив жаловаться, взывая в эфире. Пока его, наконец, не забили помехами своей станции.

Крейсер «дамокловой» неизбежностью лег в дрейф в кабельтове, грозя орудиями, выслав вельбот к подозреваемому.

Вооруженная команда поднялась на борт, растекаясь по палубе, досматривая трюмы.

Вскоре фон Шварц вернулся с докладом:

– Контрабанда однозначно! Груз – броневые листы, части судовых машин, динамо, а на закуску динамит. Много. Пункт доставки на ящиках – Йокогама, Сасэбо! И... как я и говорил – еще один сумасшедший шкипер. Бегал, за руки хватал, еле сдержался, чтоб по зубам не дать! И этот пригвоздил к флагштоку английский флаг, заявив, что если его сдерут, это будет считаться оскорблением британской короны¹¹. Ха-ха! А я его и «успокоил», что трогать британскую тряпицу не станем – лоханка так под «Юнион Джеком» на дно и уйдет!

– Да уж! – согласился командир. – Людей для призовой команды у нас уже просто нет. «Запрягали», как всегда, неторопливо, а потом понеслось вскачь!

Узнав, что его судно собираются топить, британский шкипер совсем слетел с катушек – его пришлось связать, препроводив под замок на русский пароход.

А остальному экипажу едва намекнули, что заряды в трюме у ящиков с динамитом уже заложены, как те, ударившись в панику, буквально горохом посыпались в шлюпки.

Уже возвращался последний вельбот, увозивший русских фейерверкеров¹², как вдруг сигнальная вахта огорошила новостью:

– Дым с запада!

С запада, же потемневшего закатом, а потому чужое судно заметили с опозданием.

– Принять вельбот, и уходим на полном ходу, – немедленно распорядился командир, – не нравится мне этот «новенький с запада». Скоро стемнеет окончательно, а ночи здесь – глаз выколи. Успеем убежать.

Пары поддерживали, ход набирало штатно, но...

– Медленно, медленно, – кривился Скальский.

От «купца» «Днепр» отошел пока всего кабельтов на семь, а приближающийся корабль уже просматривался надстройками.

– Шибко быстро идет, паразит! – Вахтенный опустил бинокль, взглянув на командира. – Все британский шкип, бисова душа! Успел докричаться своей морзянкой до кого-то так нежелательного для нас.

– Да чего уж тут гадать. Судя по всему, узлов двадцать выжимает. Так? Не меньше. Эх-хе... накаркал я какого-нибудь «Дидо» на нашу голову. Прикажете взять на рубм право.

¹⁰ «Маркони» – общепринятое на российском флоте прозвище телеграфных и радиосвязистов.

¹¹ Реальный случай с капитаном парохода «Малакка» при досмотре и аресте.

¹² Собственно «фейерверкер» (нем. Feuer и Werker – работник огня) относился к унтер-офицерским чинам.

Русский рейдер, изрядно задымив из труб, доводя ход до полных возможных девятнадцати узлов, намеренно прикрывался бортом лежащего в дрейфе обреченного минированием судна, чуть забирая на румб право... потом влево. Потому как преследователь тоже совершал маневры, открывая себе углы.

– Он часом не стрелять по нам собрался? – Командир опустил бинокль, взглянул на часы, затем на артиллерийского офицера, руководившего закладкой подрывных зарядов. – Вы на сколько замедление поставили?

Тот выглядел несколько озадаченным, если не растерянным:

– Да уж должен был взлететь на воздух...

– Черт побери, – заволновался старший офицер, – британский крейсер пройдет мимо и слишком близко от «купца!» А там динамита – мама не горюй!

– Срочно сигнальте ратьером, телеграфом, – мигом понял, что тем самым хотел сказать лейтенант, – предупредите, чтобы держался подальше от этого тазика с динамитом! Обошел его стороной! Если сейчас рванет...

Рвануло!!!

Вспучив, разметав обломки, закрыв за огненным смерчем весь вид на нагоняющий британский крейсер. Понять, попал ли тот под удар, было пока невозможно.

Тем неожиданней был всплеск, вставший по левому борту «Днепра». Еще одно падение снаряда зафиксировали с большим недолетом.

– Право на борт! – прохрипел Скальский. – Кусается, падлюка.

– Сдурел он, что ли? – удивленно вскричал старший офицер. – Приготовиться к бою?

Командир не ответил, вглядываясь за корму. Связываться вспомогательному крейсеру с вполне себе боевым кораблем резона не было. Накатывала спасительная ночь, предоставляя возможность затеряться в ней и уйти от погони.

А выстрелов больше не последовало. С чего вдруг «британец» открыл огонь, оставалось только догадываться, надеясь, что у кого-то просто не выдержали нервы.

На самом деле так почти и произошло. С небольшими нюансами. Английский капитан, которому было поручено по возможности препятствовать бесчинствам русских крейсеров, получив тираду по беспроводному телеграфу от задержанного «купца», двинул на всех парах на выручку. Естественно, объявив «боевую тревогу» и приказав зарядить орудия. Впрочем, понимая, что огня открывать нельзя... по крайней мере нежелательно. Завязывать бой в его планы не входило.

Видел он и мигающее световыми сигналами предупреждение об опасности, но счел его хитростью русских, так и не отвернув с опасного курса.

А когда рвануло и обломки посыпались на палубу, ошалевшая прислуга носового орудия успела произвести два выстрела, прежде чем «добежала» команда «прекратить!».

Один из обломков, упавших на палубу крейсера «Дидо» (русский капитан угадал прямо в точку) был столь велик, что нанес весьма неприятные повреждения. Поэтому погоню было решено прекратить. Тем более ночь...

Темень, как и положено в низких широтах, опустилась почти стремительно. Русский рейдер, выписав широкий полукруг, держа угасающие остатки зарева от взорванного судна на левом траверзе, лег на курс выхода из Красного моря. К Суэцкому заливу.

– Замечательный финальный аккорд! А? Иван Грацианович? – Оглядываясь, улыбался мичман фон Шварц.

Дорога, ночь, луна-фонарь...

Вжавшись в сиденье, Александр Алфеевич обратил внимание, что непроизвольно затаил дыхание.

«Инстинкты, блин!»

Заставил себя дышать глубже.

В щель прикрытой шторы, сквозь толстое стекло кареты наблюдал пока лишь подсвечиваемые керосиновыми фонарями силуэты, что сновали туда-сюда.

Иногда свет падал на лица чужаков... лица, которые ни о чем не говорили – не узнавал.

Подолбив в дверь уже основательней, не добившись желаемого, те, там снаружи отступили. Возня вокруг кареты продолжалась: голоса, блики фонарей, стуки, топот.

Попытку открыть двери повторили уже более остервенело, начав бить по стеклу. Похоже, что рукояткой револьвера. Или прикладом винтовки...

«Ага! Хренушки!»

Но торопливо надавил на рычаги, закрывая внутренние защитные металлические жалюзи. Задернув и тряпичную шторку, в странных инстинктивных побуждениях – как будто закрыться еще и этим.

Снова выстрелы, смачно шмякаясь свинцом в бока кареты, пугающим звонким хрустом по стеклу – выдержало? Лопнуло!

Затрещала дорогая облицовка, загрохотало по металлу, послышались удивленные возгласы. Забарабанили по крыше (кто-то залез наверх)... с тем же результатом.

Наконец обратились непосредственно к нему – голос уверенный, явно начальственный, и вполне вежливый:

– Господин Гладков. Александр Алфеевич! Милейший! Как же это вы так предусмотрительно-то? Неужто весь экипаж заблиндировали? Вы бы вышли к нам, любезный. Утешьте наше любопытство – всего лишь поговорить... и поезжайте своей дорогой!

И как в противовес этому умиротворению, вмешался дельный, злой, а потому особо неприятный и резкий голос:

– У нас бочонок пороха. Взорвем под каретой, не думаю, что вы сие переживете, господин хороший! Затем обольем керосином и подожжем!

И заговорили чуть тише меж собой, намеренно или не обременяясь, но Гладкову было слышно:

– Через полчаса если он не прибудет к себе – его хватятся. Начнут искать. И так по объездной пустили, времени уж сколько прошло.

– И?

– В конце концов, велели, если что – не миндальничать. С мертвого спросу меньше.

Александр Алфеевич намеренно часто и глубоко задышал – насытить кислородом мозг... думать, думать!

Появилось предательски давящее клаустрофобией ощущение – бронированный сейф на колесах, но уже не как надежда, а гроб... последнее пристанище. Самое паршивое, что с ним даже перестали разговаривать, завожившись в том числе и под днищем кареты.

«Неужели все-таки закладывают свою обещанную бочку пороха? А думал, что начнут упрашивать, торговаться. Там, глядишь, время потянуть, и его действительно должны были бы разыскивать. Если, конечно, господа из “охранки” не в доле.

Неужели не блеф, и его сейчас реально подорвут? Тут, смотря какой заряд – и вполне, что одной контузией не обойдется. Да и клепаный корпус просто не выдержит и... “нас извлекают из под обломков”! Что делать, бя, что делать?»

Рука снова скользнула в потайной бардачок, нащупав два плоских магазина к пистолету и совершенно неожиданно какой-то кругляш. Баллончик!

«Откуда?!»

И сразу вспомнил – морпех ему всучил на той посиделке за бутылкой на полигоне.

«Точно! Я ж по пьяни захомячил его в тайничок и забыл».

Светошумовая граната легла в ладонь, нащупались кольцо и скоба. Другая рука массировала рукоятку пистолета. В голове зрело крайностью и импровизацией.

«А была, не была! Кажись, суки, не блефуют. Коль нужен был бы им живым, могли и всей каретой в тихое место умыкнуть, и там уж без спешки вскрыть, как консервную банку».

Зацепился за кольцо, еще раз проверил пистолет, вытерев о бархат сидений вспотевшую ладонь.

«Будет вам сюрприз и восемнадцать патронов в автоматическом режиме – пуля за пулей!»

Осторожно и тихо сдвинул засов, дернул колечко, выталкивая «гостинец» наружу. Зажмурился.

Бахнуло! С отсечкой по ушам... свет все ж пробился сквозь неплотно прикрытую шторку, чуть зарозовев тонкой кожей век.

«Суки, всех порешу!» – Пиная ногой дверь, выскакивая в отчаянной уверенности, приседая, сжимая пистолет двумя руками.

Фигуры чужаков с воплями корчились на земле в свете обретенных фонарей и пары смолящих факелов.

Сухие выстрелы, вспышки и дерганье ствола добавили ору, скулежа, предсмертного хрипа. Патронов не жалел.

«Главное... главное добить! Перебить всех, пока они в таком состоянии!»

Фигуры темные, неузнаваемые, как не людские, все происходит на вскипевшем адреналине, а потому никаких пресловутых рефлексий от убийства – просто жмешь, жмешь на курок, переводя ствол от одного к другому... кто еще шевелится. В горячке с первого раза шмаляя куда-то не туда: «Живучие, заразы!»

Сзади грохнуло выстрелом! Не попали! Не вжикнуло даже!

Упал, откатился за карету, слыша, как клацнул нервно передергиваемый затвор, шипение мата-ругательства и сиплой команды:

– Обходи его слева!

В голове пульсировала догадка: «Этот стоял за каретой, и светошумка его едва зацепила! Кому это он кричал? Там еще один?»

Взгляд стелился по земле под днищем. Увидел за спицами колес ноги – ноги пошли, пошли в обход...

Сменил магазин. Взвел – и прямо по этим безликим ногам, потом еще два выстрела в мешок свалившегося с воплями тела.

«Там еще один!» – Перекатился, затаившись, вглядываясь в серость ночи.

Тот, «еще один» оказался самым осторожным. Или продуманным, никак себя пока не проявляя.

«Ага! – С облегчением, увидев метнувшуюся прочь тень. – Самым трусливым».

Догонять не было сил. Вроде и не бегал, а дышалка сбилась от постоянного стискивания зубов и задержки дыхания при пальбе.

«Да и возраст...»

Тот знал, куда убегать. Там в темноте, видимо, стояло лошадино-колесное средство передвижения. Пролетка или еще чего. Хлестанул кнут, со свистом и криком «но-о, пошла!» споро уцокало, затихло.

«Значит, дорога там».

Навалилась тишина. Полежал еще чутка, прислушиваясь, вычленив звуки, кажущиеся с перепугу странными, среди которых понятны только мягко всхрапывающие лошади.

Запах гари, пороховой, от факелов, уносило легким ветерком, примешивая тинистый, речной, плеском недалекой заводи. Ночь прозрачная, звездная, но желтый глаз луны чуть в дымке дает мутноватый отсвет и шансы не споткнуться.

Осторожно... «ну его, от подранка чего вдруг еще прилетит...» встал на полусогнутых... еще раз, с оглядками прошелся, попинал трупы. Хладнокровно не пожалев пяток пуль для «контрольных». Взял один из фонарей. Осмотрел – кто в гражданском, кто в форме. От вида убитых подергивало спазмами. Дальше разглядывать было противно. Воняло.

«Ну и чьи это ребята? Неужели царь команду дал? Глупости! У него полно иных рычагов».

Обошел по большей окружности. Чуть в стороне лежали еще два трупа. Этих узнал – постоянно приставленные к нему жандармы.

Это уже не его работа – в эту сторону он не стрелял.

«Вот и думай, чья эта акция! Но хоть одно успокаивает – по всей логике царь тут все-таки не замешан. А если все сложнее и проще? Сказал своим из охраны... да тому же Ширинкину, дескать, не желаю я этого господина Гладкова больше видеть! А те и исполнили со всем верноподданническим рвением?»

От этих мыслей накатила пустота безысходности.

«А если так, то зачем... ну, на фига тогда все?»

У задних колес с удивлением обнаружил заявленный бочонок, оказавшийся на самом деле ящиком. Внутри мешочки с порохом.

«А ведь мог и рвануть от шальной пули».

Только сейчас сообразил, что лошадей отвязали.

«Зачем? Хотя... может, кто пожалел животину, если уж собирались взрывать карету?»

Бедолаги лошадки после светотумки от испуга понесли. И умчали бы дальше, но одной не посчастливилось сломать ногу, упавшим грузом удержав всю упряжку.

Подошел, встречаясь с их поблескивающим шальным испугом глазами.

«Назад уже не впрячь. Не умею. И верховой езде так и ни разу не озаботился обучиться».

Раненая лошадь болезненно тонко хрипела. В кино обычно таких, чтоб не мучилась, достреливают, но рука не поднялась. Ну, вот совсем не поднялась.

«И как теперь отсюда выбираться? Куды, блин ехать-идти?»

Ко всему холодноло, потянув ветерком.

«Короче!»

Вернулся к карете, вытащив верхнюю одежду, все ценное и важное. Взглянув на звезду-компас, уверенно двинул в сторону Петербурга.

Совсем не тихий Тихий

*Навстречу не чая – столетием в ретро!
Под солнцем одним, и одни у причала —
Отважных фрегатов, бок о бок от ветра,
Космическим ветром бы пьяно качало.*

Весь путь до Петропавловска-Камчатского эскадру гнал попутный ветер – прям закрывай глаза, представив: мачты скрип и рей, тугие паруса!

Но в данном случае и месте царствовала другая романтика – сталистое небо было ненастно, сея дождевыми шквалами, укрыв за почти нулевой видимостью, как и сам океан, так и вообще любые яркие краски.

Серые в немислимых пятнах камуфляжа корабли как никогда вписывались в эту картину похмельного художника.

А шли ходко, тоннаж кораблей Рождественского вполне спокойно позволял им переносить приштормовое состояние. Пожалуй, только «американцу» – промысловнику-браконьеру, плетущемуся в кильватере, с его утлыми тоннами водоизмещения и слабосильной паровой машиной приходилось несладко.

Подстегиваемый сквозящим со стороны кормы ветром дым из труб сбивало вниз, он обтекал надстройки кораблей, провоняв мостики гарью, клубясь дальше, обгоняя эскадру. Зиновий Петрович, периодически инспектируя своими визитами «ходовой», словно не замечал этих мелких неприятностей и был доволен:

– Есть в том упование, что сей ветер разгонит всех промышляющих, всех нежелательных свидетелей в здешних водах. Так глядишь, и пройдем нераскрытыми для постороннего глаза.

Вместе с «нордом» пронизывало заморозками, моряки сигнальных вахт, обветренные Арктикой, пренебрежительно терпели, бравирова... тем не менее радуясь постепенному, по мере спуска к югу, потеплению.

Не оглядываясь на то, что с каждой милей они были ближе к войне и возможной «смертушке», боевой дух, подогретый первыми победами, зашкаливал.

* * *

Возвращаясь на Тихоокеанский театр военных действий, пожалуй, стоит снова описать декорации.

Взглянув на карту, условно от широты Петропавловска-Камчатского и ниже, можно увидеть, что с геологической точки зрения Курильская гряда, Японский архипелаг и далее Рюкю (Ликейские острова), типичные островные дуги, отделившие континентальную плиту Евразии от океанической коры Великого океана, тем самым образовав отдельные акватории – окраинные моря: Охотское, Японское, Желтое и Восточно-Китайское.

Весь этот изломанный островной пояс – от самой южной точки Камчатского полуострова, до острова Окинава архипелага Рюкю... (или уж доведем до острова Формоза¹³, и тогда общая длина пояса составит примерно 4000 км) словно бы отсекает собою зону боевых действий, ограничив выход из окраинных морей в большие воды Тихого несколькими проливами.

¹³ Формоза – историческое название острова Тайвань.

А чтобы совсем уж не усложнять, можно обобщить позиционные конфигурации сторон, нарезав их в виде операционных линий, которые (что японская, что русская), были завязаны на Ляодунский полуостров, с «вишенкой на этом торте», пусть и сомнительной, под названием Порт-Артур.

Японская «силовая линия» опиралась на хорошо оборудованные порты, протянувшись от Хакодате, далее на базу ВМФ Сасебо, и вплоть до тактической якорной стоянки на Эллиотах.

Что же касается русских, то...

Когда неизбежность скорого начала войны с Японией стала очевидной, наместник Алексеев принял решение, которое разные эксперты оценили по-разному – во Владивосток были переведен отряд крейсеров, тем самым, хорошо ли плохо ли, разделив Тихоокеанскую эскадру.

К чему это привело?

К очевидному: тонкая оперативная линия – от Владивостока, через Корейский и Цусимский проливы к главной военно-морской базе Порт-Артуру, являвшая из себя, пожалуй, основную транспортную артерию российского обеспечения, вынуждала японцев держать на этом направлении необходимо превосходящие силы.

Хэйхатиро Того прекрасно видел и понимал все плюсы и минусы такой позиционной расстановки.

С одной стороны, появлялась возможность разбить русских по частям, с другой стороны – фактор неопределенности действующих на японских коммуникациях владивостокских крейсеров под командованием контрадмирала Иессена. И, кстати, в какой-то мере «владивостокцам» в рейдерских операциях и удалось это осуществить.

Более того, крейсера, покинув приматериковые моря, пройдя Сангарским проливом, теперь могли дергать за ниточку третью линию. Операционную сомнительность, которую командующий японским флотом прекрасно видел – где главным препятствием для русских была удаленность от баз обеспечения.

Потенциальную угрозу Токио (ко всему еще и достаточно защищенному) со стороны тех же крейсеров-рейдеров из Владивостока японский адмирал рассматривал со снисходительно-ироничной миной. Досель.

Теперь же, с появлением фактора «арктического отряда» Рожественского, Того все больше ощущал неприятное и смутное беспокойство.

К месту действий

После Командорских островов шторм выдал последние свои вздохи и уже к Авачинскому заливу совсем отпустил эскадру, всхлипывая остатками бывшего.

Качало от силы в четыре балла, выхолощенный северным ветром воздух давал горизонт миль на пять. В связи с этим на кораблях усилили вахты сигнальщиков, дозорный «Рион» забежал вперед, только дымы и видать.

Нес свою радиолокационную службу и «Ямал», но с ледокола честно предупредили, что мелкие деревянные суда, особенно на фоне береговой черты, будут малозаметны. Чего, не так чтоб уж серьезно, но все ж опасался Рождественский.

Оторванность камчатского края от центра России, практическая бесконтрольность со стороны столичных департаментов, отсутствие кораблей береговой службы, стационарных инспекционных станций – все это вело к постоянному хищническому лову лососевых в устьях рек в период нереста. Естественно, что среди всей этой браконьерской шушеры затесались японские агенты, производя разведку берегов Камчатки, собирая информацию, касающуюся оборонительных возможностей полуострова.

Время нереста, конечно, уже миновало, но были все основания полагать, что в связи со слухами об «арктическом походе» узкоглазые неизбежно захотят попромышлять в близлежащих водах.

Более того, теперь, после факта засылки дозорных кораблей в Берингово море, не исключался вариант, что и тут Рождественского будут ждать какие-нибудь не самые приятные сюрпризы.

* * *

О какой-либо обороне Петропавловска-Камчатского, приди сюда японцы по-серьезному, говорить не приходилось.

По счастью, северное направление для японцев являлось даже не второстепенным, а так... постольку-поскольку. И если захват Владивостока рассматривался лишь в качестве серьезного аргумента при переговорах о мире, то на регионы более высоких широт, невзирая на природные богатства земель, лежащих под русской короной, интересы сынов Ямато по большей частью распространялись, как говорится, «на пожрать».

Хоть и не совсем чтобы так!

После победы в войне 1904–1905 годов (в известной истории) Япония воспользовалась этим моментом в полной мере. В том числе почерпав отсюда средства для выплаты долгов кредиторам¹⁴.

Тем не менее в мае 1904 года узкоглазые совершили наглую и исключительно «геройскую» вылазку, высадив десант с четырех шхун в устье реки Озерная на Охотском побережье Камчатского полуострова. То бишь в глубоком тылу Петропавловка.

Сто пятьдесят солдат при двух орудиях – а вокруг ни души!

Стали лагерем, окопались, выставили пушки, подняли знамя, торжественно объявив весь полуостров «землей Микадо».

Двинув взвод в близлежащий поселок Явино, не застали никого и там – предупрежденные жители ушли в горы.

¹⁴ Из истории: в 1909 году Япония поставила под свой контроль всю камчатскую промышленность. Количество японских промысловых шхун достигло 200, обеспечив вывоз рыбы на миллион пудов.

Командир экспедиционного отряда лейтенант Гундзи скалил редкие зубы – а ну-ка: «полный успех и никакого сопротивления!».

Прозвучало торжественное «банзай» – очередное победное поднятие флага на часовеньке, и рядом столб с надписью на ломаном русском... дословно: «эта земля уже принадлежала Японии, Тэнно, хэнка банзай! Кто тронет это тынь – будет убита!»

И подпись: «Командира японского войска Сечу Гундзи».

Полтора месяца оккупанты торчали у Озерной, не решаясь двинуть вглубь полуострова.

За это время к их лагерю подтянулись местные силы ополченцев – две дружины, всего 88 человек. Японский отряд был окружен, завязался бой.

Потеряв в перестрелке убитыми три десятка человек, остальные самураи успели попрыгать в шлюпки, добраться к шхунам, в итоге бежав на остров Шумшу.

Там располагалось якобы японская рыбацкая деревня, а на самом деле форпост, откуда можно было снова пытаться организовывать наступательные движения на камчатском полуострове.

Именно туда, на Шумшу Рожественский и рекомендовал «наведаться» исполняющему обязанности начальника Петропавловского уезда Гребницкому Н. А.

Не единолично, конечно, а в составе вооруженного десанта, при поддержке корабельной артиллерии.

Свое предложение Зиновий Петрович озвучил уже потом, мимоходом, на борту броненосца «Князь Суворов» на рейде в Авачинской бухте.

* * *

К широтам ниже все больше довлел туман, и по местным условиям вход в узкое горлышко Авачинской бухты представлял собой непростую задачу. Рожественский в своей подозрительности на происки противника вполне допускал захват порта японцами, минимум – минирование фарватера.

Как назло, ни одного суденышка, дабы вызнать, какова обстановка в Петропавловске, на подходе к цели обнаружено не было. Просить господина Чертова провести разведку летающей машиной адмирал счел ненужным, а скорей в гордости зазорным. Тем более что на месте, над горлом бухты и сушей вилось заметное марево, предполагая ограниченную видимость с высоты полета.

Первым пустили американский браконьерский пароход (который не жалко, вдруг мины), за ним американский же угольщик. Следом шли «Маньчжурия» и «Воронеж». Броненосцы двигались с небольшим запозданием и интервалом. «Ослябя» – замыкающим.

«Рион» и «Ямал» остались в патрулировании и дозоре.

Первые же наблюдательные посты – Петропавловский маяк, а затем на мысах Бабушкин и Раков, организованные административной властью для наблюдения за морем, показали, что бухта и порт находятся под контролем российских властей.

На их флагштоках вился российский триколор.

Да и у сигнальных пушек возились явно не азиаты – те же, в свою очередь, поначалу нечтоже сумняшеся на чудной вид броненосцев, выкрашенных полосами и пятнами, наконец рассмотрев андреевские флаги, приветственно махали руками.

Курьерские шлюпки уже унесли вести в Петропавловск – первая «тревожная» о подходе неизвестных судов, еще не распознанных, вторая «торжественная» – когда определилась национальная принадлежность пришельцев.

Так что на причалах гостей уже ждали.

* * *

Подернутая маревом Петропавловская гавань казалась пустынной, туман загадочно прятал все границы, но два широкобрюхих парохода под американскими флагами обнаружились сразу.

– Вот они! Ваше высокопревосходительство, – немедленно оповестил Игнациус, опытным взглядом опознав углевозов, – обещанные суда с углем-с. Отрадно!

Рядом, у совершенно негодных для погрузки-выгрузки причалов, понурился архаичный пароходик да пара зарифленных шхун. Суетились встречающие на пристани.

– Будут чествовать...

Неожиданностью было стоящее в глубине бухты крупное судно с клиперным носом, трехтрубное, с изящными обводами, с Андреевским флагом на корме.

– «Лена!» – снова подал голос Игнациус, едва удалось прочитать название на борту. – Вспомогательный крейсер. Из Владивостока?

На реях крейсера поползли сигнальные флажки, с него семафорили.

В ответ с борта флагмана прозвучал выстрел из салютной пушки.

* * *

В первую очередь Рождественского заботила бункеровка, на что было сроку вытребовано – сутки. Кому этим заняться, естественно, нашлось.

Сам же адмирал принял местного уездного начальника, прибывшего в сопровождении отставного штабс-капитана, руководившего камчатской обороной.

Чуть погода пришвартовалась шлюпка с «Лены», явив капитана второго ранга Берлинского (командира корабля) и чиновника особых поручений, по виду жандармского типа.

«Ну-с, что тут? – Зиновий Петрович внимательно ознакомился с предъявленными бумагами. – Так и есть, господин жандарм в чине статского советника. Одначе держится как минимум на “действительного”¹⁵. Только, пожалуй, молод он для следующего чину. И непрост. Да отделение прописано в документе какое-то новое... судя по англицизму, “специальный”. Ну-ну».

Гриффы на предъявленных «жандармом в штатском» бумагах стояли самой наивысшей инстанции. И допуск у него имелся соответствующий.

Цель прибытия вспомогательного крейсера, согласно рескрипту, именовалась «миссией, имеющей касательство ледового судна “Ямал” секретной конструкции». И признаться, вызвала у Зиновия Петровича некоторое двоякое чувство, в котором явно преобладало недоумение. И непонимание.

«И да бог бы с ним, – с натяжкой отмахнулся адмирал, нахмурившись, – не моя сие компетенция. В Петербурге знают, что делают».

Приказав отбить дополнительную телеграмму в столицу, подозревая, что ответ придется обождать, так как на берегах Невы сейчас глубокая ночь, Рождественский решил вначале расспросить начальника уезда и его помощника: обо всем, что касается противника – появлялись ли военные корабли, вспомогательные шпионские суда, случались ли вылазки, десанты, стычки?

И был удовлетворен пространным докладом. Более того, повествование оказалось даже занимательным.

¹⁵ Следующий чин – действительный статский советник.

«Да уж, – невольно дивился Зиновий Петрович, – местечковые копеечные баталии – сотня на сотню! Необученные ополченцы рыбаки-охотники, большинство которых из коренных народностей. Против такой же сборной рыбьей чешуи, только что с ружьями – японские солдаты, решившие, что на правах войны можно прийти и пограбить! Однако ж смотри ты... дали супостату отпор по всем статьям. Повсеместно! Не чета куропаткинскому стоянию. И прозябанию порт-артурской эскадры».

– Так вы говорите, на Шумшу у них форпост?

– Так точно, – штабс-капитан, даром что в отставке, а выучку сохранил, щелкнув каблуками.

– А чего ж не выбили противника с острова, коль такие молодцы?

Штабс-капитан дернул шеей виновато. Переглянулся с начальством, скосив взгляд на стоящих чуть в сторонке господ со вспомогательного крейсера:

– Так, ваше высокопревосходительство... средств на то не имеем. У японца на берегу укрепления, артиллерия, а у нас шиш.

Рожественский все понял, дополнив про себя: «шиш с маслом». Неприязненно взглянул на командира «Лены»:

– Что ж вы, капитан второго ранга, почитай тут как уж неделю. При боевом корабле, при пушках, а позволяете неприятелю сидеть у вас под боком. Отчего ж не совершили рейд?

И презрительно пропуская ответное «...простите, считаю неуместным подвергать судно риску до выполнения особого предписания», с ходу предложил камчатцам:

– Пароход замурзанный на две тысячи тонн, что в составе пришел, видели? Браконьерский американец – подлежит конфискации. Забирайте, приписывайте к своей...

– ...к компании «Камчатское торгово-промышленное общество», – немедленно прозвучала подсказка.

Рожественский вальяжно кивнул, довольный собой и своим государственным подходом:

– Пушки я вам выделю, из тех, что на «Маньчжурии»... из японских. Хлам откровенный, но вам и того с лихвой. Воюйте. Будет у вас шиш, но теперь с маслом.

Отдав необходимые распоряжения, дождавшись, когда уездный глава и его помощник покинут адмиральский салон, Рожественский тем не менее нарочито тянул время, стоя у иллюминатора с папирсой.

Жандармов он не любил.

«Да и капитан этот... второго ранга, как там его – Берлинский, откровенно не произвел впечатления. Не вояка. Извозчик. Допуска у него, судя по бумагам, к секретам нет – гнать долой».

Докурил, уткнув пепельницу и, сцедил не оборачиваясь – поймет:

– Оставьте нас.

Едва за Берлинским хлопнула дверь, Зиновий Петрович резко повернулся и как можно бесцеремонней спросил:

– И?

На рождественское «и?» статский советник отреагировал одной мимикой... и это было свое, более ярко выраженное, если не вызывающее «и?».

«Какой осторожный нахал», – не менее осторожно констатировал Зиновий Петрович. И решил надавить:

– Вы знаете, с чем вам придется встретиться... или столкнуться, если будет угодно?

В ответ лишь степенный кивок.

– Это очень... – адмирал не нашелся словом, – хм, своеобразные люди. И не только по стилю речи.

– Я уже имел опыт общения. И знаю, о ком и о чем идет речь. В полной мере.

– Вот как? – Рождественский снова вспомнил о сопроводительных бумагах жандарма. – Ну что ж, извольте. Задавайте свои вопросы. Времени мало, а у меня и без того хлопот хватает.

И следующие пять минут отвечал на вопросы.

Сквозь зубы... бесясь на грани... сдерживаясь.

Потому что помнил, ЧБЯ подпись стояла под поручительством жандармского чина.

Впрочем, и сам статский советник оказался с понятием – не зарывался. Вопросы были поставлены умно, как к третьему лицу, словно в сторону...

А Зиновий Петрович, принужденно отстранившись, превратился в сплошное отрицание... на каждый вопрос.

...

– Нет. Никакого отхода от оговоренных соглашений и планов я не заметил. Кроме инцидента с британским крейсером.

...

– Нет. Ручаться, что «ямаловцы» причастны к пожару на «Бервике» не могу.

...

– Не видел смысла находиться на головном ледоколе во время прохождения Арктикой, поскольку не имею опыта ледовой проводки. Соответственно, в своей некомпетентности, не вправе отдавать какие-либо распоряжения капитану «Ямала».

...

– Никаких политических или иных похожих вопросов не обсуждалось. Государственное устройство, как и будущее Российской империи в беседах не затрагивались. Об императоре, о его семье разговоры не вели. Еще раз подчеркну, судно потомков я посещал исключительно в рабочем порядке, для согласования дальнейшего маршрута и действий.

...

– Доверительных отношений наладить и не пытался. Увольте-с.

...

– Исключено! Поверьте, американцев они не любят с полной искренностью, – и, уловив паузу, решительно вбил клин: – Вы удовлетворены, наконец?

– По большей части...

* * *

В открытый иллюминатор уже всюду вливались характерные звуки – началась погрузка угля. Повизгивала лебедка, ворочалась стрела для подъема паровых катеров, совсем отчетливо слышалось, как какой-то матрос покрикивает на подающую сторону, при этом безбожно матерясь.

– Экий барбос, – рассеянно поворчал Зиновий Петрович: «Знает же паршивец, что орет почитай в открытые окна адмиральского салона».

В другой раз досталось бы разошедшемуся горлопану «на орехи», но сейчас в голове довели иные мысли. Ответ из Петербурга, наконец, пришел и удивил.

Ожидалось, ни много ни мало, прибытие самого генерал-адъютанта его императорского величества наместника на Дальнем Востоке Алексеева.

«Во как!»

Для чего конкретно прибывает Алексеев, можно было не гадать, но дополнительных объяснений не последовало. Статский советник удовлетворился самим фактом (стало быть, осведомлен), лишь уточнил ориентировочное время, когда ждать корабль с генерал-адъютантом.

Выспрашивать подробности у жандарма Зиновий Петрович посчитал унижительным. Однако рассуждая здраво: «Предположим, что потомкам будут предлагать... возможно, просить и сулить, дабы “Ямал” продолжил опекать радарами и дальней связью эскадру. Так как не

клеится у них в Петербурге с планами выловить на живца-“Ослябю” всего Камимуру. А то и вовсе... вот дурень – как же сразу не догадался! Пора их – путешественников по столетиям, без роду, без племени – вообще в казну брать, чтоб присягнули со всей ответственностью и верноподданностью. Для того и столь важную персону посылают. А то вольница разбойная, право слово».

Построив вполне логичную версию, Зиновий Петрович немного успокоился, плеснул из початой бутылки, неторопливо раскурил папиросу, открыл пошире иллюминатор, высунувшись: «где там этот неугомонный матершинник? Сейчас я ему...»

Однако ж явившего лик адмирала вмиг углядели и, не растерявшись, грянули дружное «ура!».

«Вот черти!» – Улыбаясь, погрозил кулаком. Такие они – лавры, пусть маленьких, но побед! Окинул сытым прищуром вокруг – все ли идет как должно, и вернулся к столу, к пепельнице, к «початой» и к нолитому.

«Нет, не клеится. Что-то тут другое. Какая-то совсем уж несуразица. Для чего предварительно гнать “Лену” с чиновником особых поручений?

Допустим, наместник задерживался – возможно! Зная Алексеева – тот наверняка забрет для своей особы самый лучший крейсер во Владивостоке – “Богатырь”. Который вот-вот должен выйти из ремонта. Вот и причина задержки.

Но тогда зачем на “Лене” полурота жандармов? Для защиты наместника чересчур. Конвойная?

Или, как всегда, они там в Петербурге в Морском штабе замудрили-перемудрили?

И еще факт – на категорическое заявление об уходе эскадры, едва закончится бункеровка, не дожидаясь наместника (вот только не хватало ему перед Алексеевым расшаркиваться и время терять), статский советник и бровью не повел.

“Неискренность” – это первое, что наворачивалось на ум. Душком несет от этой “миссии, имеющей касательство ледового судна “Ямал” секретной конструкции».

Но мое ли это дело?»

* * *

Устойчивый северный, а главное, почти попутный ветер гнал шхуну под всеми парусами... так что иногда порывами основательно кренил, шлепая волной о борт.

Касуми Исикава спешил, рискуя, бормоча обещания, что, вернувшись, воздаст молитву в храме древней матери первого императора, сейчас же непрерывно поминал милость духов моря, держась столь близко к береговой черте, сколько позволяло чутье бывалого рыбака – не налететь на камни, миновать отмели.

Русский патрульный появился из марева словно призрак, словно гайдзины овладели методом крадущегося ниндзюцу, одев целое судно в необычные одежды, сливающиеся текучими разводами с границей воды и тумана.

Касуми Исикава успел приказать переложить руль и гик, ложась в дрейф, чтобы замереть на фоне береговой черты, на фоне скал, надеясь, что русские примут грязные, латанные паруса шхуны за эти самые серые скалы, где гомонят тучи припозднившихся к перелету птиц.

Это было крупное судно, наверняка с низкой осадкой, оттого русский капитан не осмеливался идти ближе к берегу, к отмелям и подводным рифам. Иначе шхуну Исикавы заметили бы.

Не заметили... постепенно удаляясь контркурсом, утопая в дымке, оставив после себя медленно таявшую копоть сожженного угля.

Теперь снова можно было подхватить устойчивый ветер и поспешить, донести весть на Шумшу, где ждет большая шхуна (не чета его «старушке») с паровой машиной, выдававшей

все 12 английских миль. И тогда удастся передать и предупредить о приходе русских военных кораблей. Больших кораблей.

Касуми Исикава правильно рассчитал, оставив шхуну в укромной отдаленной бухте, подкравшись на ялике как можно ближе к воротам в залив, где был главный порт носатых варваров. И оставаясь незамеченным, направив зрительную трубу, посчитал каждое судно в длинном неторопливом кильватере, без труда опознав в «концевых» боевые корабли класса не меньше броненосца.

– Один, два... три, – бормотал Исикава, смаргивая, думая, что это слеза накатила на глаз, и от этого очертания кораблей противника кажутся столь смазанными. Еще не зная, что он пока единственный из японцев знает, что дошли «три», а не «один».

* * *

Примерно через полчаса «Рион» в условной точке совершит разворот, ложась на обратный курс. Ход обоснованно держали малый, патрулируя в опасном тумане, вблизи берега, без лоцмана и точных карт.

Хитрого японца на рыбацкой шхуне крейсер уже не нагонит.

Цепной реакцией влечась...

*Войду, мой этот мир иль мною не заслужен.
Ступлю, переступлю на лезвие ножё,
Где грань сойдет на «нет» – где тонко, там где
ужё.
Оглянешься в «недавно», перешагнув в «ужё».*

– Вот уж не думал, что наша ядерная топка добредет до широты Петропавловска.
– У-у-у, – неопределенно промычал Шпаковский, раскуривая, втянувшись, не вынимая, сквозь зубы, – так нормально все – с температурой... тьфу, блин! Потухла, мать его, с моросью этой.

Реактор молотил в оптимальном режиме, конденсаторы охлаждались штатно – температура забортной воды держалась в приемлемых показаниях (+9,5°) и согласно сезону обещала только падать¹⁶.

Воздух же стыл заметно быстрее, гонимый «нордом», потому комфорт перекуров на палубе был обманчив.

– Арктика пусть и колюча морозами, но чиста и дышится легче, – Чертов шумно втянул воздух, морща нос, – уж скорей бы назад.

– А я... веришь – нет, за всю службу ни разу на Тихом не был, – в голосе Шпаковского что-то треснуло, словно тоской по молодости.

– И че?

– Интересно. Всегда интересно попятиться на новые места. Пусть север сравнительно и однообразен.

– Не особо-то ты так напятишься, – кэп повел подбородком, намекая на видимость, – когда с полумиллю, когда в прорехах тумана на две-три, – а к берегам нам подходить вообще ни к чему... хватит, что среди поморов ославились. Тут что ль еще аборигенов пугать? Тем более земли бесконтрольные. Хоть и не сезон, я имею в виду промысловый, но ходят все кому не лень. Японцы, американцы...

Лежали в управляемом дрейфе, «растопырив уши», РЛС. В другой бы раз ни в жизнь так не подумалось, а тут – постоянное не прекращаемое служение вдаль смотрящим в интересах Зиновия только и вызывает подобные аллегории.

«Рион» патрулировал ближе к берегу. Поначалу ему регулярно сбрасывали целеуказания по высветившимся на радаре засветкам, и он гончей кидался с проверками. Но потом выяснилось, что это, за исключением двух рыбацких шхун, неожиданно многочисленные стаи не отлетевших пернатых.

Находиться здесь, в районе Камчатки, да и на Тихом в целом, «Ямалу» смысла уже однозначно не было – отдавали последнюю дань ответственности и вежливости, пока корабли Роже-стенского насыщались антрацитом.

А тут Петербург вдруг огорошил едва ли не директивой. Директивой, потому что сухой и официальной: «ожидать прибытия наместника» и еще какого-то «фрукта».

Оказалось, что «фрукт» – чин особых поручений, уже в Петропавловске на борту вспомогательного крейсера «Лена».

¹⁶ Охладительная система реакторов использует забортную воду и рассчитана на максимальный температурный показатель в 10 градусов по Цельсию.

В общем – «ждите визитов, встречайте!!!».

– Шемит мне, – ежился не от ветра кэп, – за каким чертом сюда несет целого наместника? Порядки тут наводить? Определенно причина в нас. И хорошо если только плюшки раздавать.

– А что еще? Единственное, вдруг увяжется с нами идти через Арктику. И то! Всего лишь очередной капризный высокопоставленный турист.

– Капризный?

– Да он же в Харбине целым паровозо-составом стоял на путях... с кучей адъютантов, денщиков, охраной.

И на адрес Рождественского поступило однозначное распоряжение. Его уже не озадачивали какими-то тонкими промежуточными операциями, а приказывали не мешкая следовать к Порт-Артуру. Так как там обстановка вышла к горячей терминальной стадии! После того, как генералы Линевиц и Гриппенберг (надо ж, а о Куропаткине ни слова!) нанесли поражение японской армии при Ляоляне, давление противника на Порт-Артур только усилилось. Видимо, японское командование решило во что бы то ни стало покончить с крепостью, дабы освободить и перебросить свои войска на локализацию русского наступления.

– Люди переживают...

– По поводу? – Чуть дернулся Чертов.

Начальник безопасности успокаивающе покачал головой, зная, что капитан подспудно ожидает, когда ж в экипаже начнутся психологическая ломка от самого факта «попадания»:

– Гадают, какой путь выберет Рождественский – в обход всего архипелага Тихим океаном или в проливы и через Японское море?

– А-а-а. И чего, спрашивается, голову преждевременно забивать? Управятся с бункеровой за сутки – завтра к полудню покинут бухту и двинут на юг, предварительно согласовав с Петербургом... а там и с Владивостоком и Витгефтом, включая ориентировочное время промежуточных рандеву и выхода к Артуру. Радейка ж через нас идет, вот и узнаем.

– И на том наше сотрудничество с Зиновием прекращается... – в голосе помощника слышится неожиданное сожаление.

– И ничего страшного. Обходились же они как-то одними телеграфами, без всяких наших ништяков.

– Энтузиазиям. Народ радуется, идейки всякие высказывает. Даже «соколовцы» обмолвились, что у них имеется резервный радар на беспилотники.

– И что... отдать Рождественскому? Марсовым на «Суворов» поставить? Угробят вместе с броненосцем.

– И я о том же им втолковал. Это ж не только ценный прибор, но и спеца надо будет отправлять. «Утюги», может, и внушительно выглядят, но доверия ни Зиновию, ни железякам его бронированным у меня нет – потонут к чертям.

С темнотой (а стемнело из-за тумана быстро и довольно густо), как специально дождавшись, появился гость – на экране радара после пары мелких шхун, шмыгнувших к «норду», замерцала весьма крупная засветка.

Случилась в этом явлении какая-то бесовщина... из-за тумана ли, или банально прозевали, но не было, не было, а потом на тебе – раз (!) и сразу дистанция до объекта десять миль, с зюйд-оста. Ходкий достаточно – до 12 узлов кочегарил, курсом прямехонько на Авачинскую бухту.

Подумали и дурное, вплоть до японца-противника, но больше полагали, что не иначе наместник на крейсере поспешает.

Оповестили «Рион».

Троян Петр Аркадьевич, видимо, имел похожие сомнения – в эфире прошла трескотня морзянки, но неизвестное судно на запросы отмалчивалось. «Рион» между тем выписывал дугу, с расчетом на всякий случай отсесть чужаку возможность ретирады.

Наводили по радару со всей военной осторожностью, но вскоре с «Риона» сообщили, что наблюдают огни судна. Осветили прожекторами – выяснилось, что это пароход «Ротондо», зафрахтованный КПТО в Североамериканских штатах¹⁷. Прибыл из Сан-Франциско с грузом продуктов, товаров и угля для камчатцев.

Еще одни сутки в копилку ожидания...

* * *

Следующий день высветился на грани нуля морозцем, зато горизонт отскочил на шесть миль и далее...

Далее уж дымка брала свое, фантазируя лежащими на западе землями Камчатки. Восток вспух белым пятном солнца, что ползло вверх, уменьшаясь... сверху невидимые кричали косяки, отлетающие к югам.

– Наши «маркони», – Шпаковский хмыкнул – жаргонное «маркони» звучало для этого времени особенно актуально, – с флагманскими «на вась-вась»¹⁸. Говорят, за ночь все кому треба углем накидались, хм... стахановски. Воды залили, котлы подшаманили. Местные им харчей подкинули из промысловых выгод... на радостях – как-никак силушка, защитники-заступники в лице целого адмирала с эскадрой.

А о нас никто не почесался... неблагодарный Зинова.

Далее.

«Рион» тоже с полуночи уголь добывает, его сменил «Ослябя».

А поскольку Рождественского из Петербурга подпнули исключительно прямолинейно, то вот-вот должны выходить.

– А чего ж молчат? – Андрей Анатольевич находился в той приятной стадии утра, когда кровь уже побежала, тело размялось, желудок еще не требовал, но намекал. – В смысле, чего Рождественский молчит? Он-то, по логике, должен нас сосватать на randevu с «Леной», где сидит какой-то хмырь особых поручений. Или как? Или что? Не в бухту ж нам идти.

– Наша ль печаль? – Пожал плечами помощник. – Думаю, придет нужда – телеграфируют.

– Ладно, подождем, – не стал настаивать кэп и, помолчав, вдруг «перекинул стрелки»: – Я с ужина рано ушел...

– Я видел.

– Так уж и видел?!

– А как же – целый капитан! – Не без подкола: – Как такого не заметить.

– И чего нового вывели наши доморощенные прогрессоры?

Столовая в последнее время на ледоколе оказалась самым общественным местом, где озвучивались идеи и соображения, строили планы, куда в подвахту переносили все дискуссии, засиживаясь допоздна.

Капитан эти футуристические тренировки ума молчаливо и с интересом поощрял, считая, что они единят экипаж, а подчас в спорах позволяют спускать пар неустойчивым умникам.

– Э-э-э, – потянул Шпаковский, припоминая, – там же столько всего, что...

– Про то, чтобы набирать за границей разных головастых, рукастых и перспективных, навроде всяких будущих гениев-опенгеймеров, я еще застал, – уточнил Чертов.

– И не одобряешь, – уловил интонацию помощник.

– А зачем? Своих умных голов хватает. Дать только им возможности и направления.

¹⁷ Компания «Камчатское торгово-промышленное общество».

¹⁸ И в XXI веке жаргонное название радистов – «маркони».

Да и... вот представь – выкрали бы наши в «сорок пятом» Брауна, тот, что фон и Вернер. Так и тыкали бы в нас пальцем, дескать, немец Гагарина запустил, а русские – сплошь лапти. Мда...

Там, на столовской экспресс-говорильне помню, чегой-то про нефть заговорили, но меня сморило слегка. Я и ушел.

– Да, собственно... – Шпаковский наморщил лоб, – если обобщить, мысль была такая: самые рентабельные залежи нефти пока еще не открыты – те, которые Саудовские. Сейчас это никому не нужная куча песка, которую можно прихапать за всего лишь кучку золота.

– Не удержит их Россия. Там Суэц, там бритты рулят. Авантюра, – моментально нашел слабое место Чертов.

– А если кинуть англам как кость – совместные разработки? Да чтоб не сильно они за японцев цеплялись в этой войне? Тем более что «Антанта» на носу.

– «На носу», – передразнил кэп, – с носом и оставят. Все одно кинут, вытеснят.

– Один черт, не наше и нам не достанется. Так хрена ль? Зато прекратятся настойчивые изыскания нефти в Иране, а значит, хоть частично снимется напряжение на южных границах империи. Поулягутся страсти и вокруг Бакинских месторождений.

– Вот-вот. Сейчас Россия с этого источника снимает самые сливки и стрижет купоны. Выгодно ли будет терять такие доходы? Тут не только геополитика.

– Один черт, недолго этот эксклюзив продлится! Наши в компах нарыли – через четыре года в Иране-Персии забьет первый промышленный фонтан.

– В таком случае, ваша правда, информировать надо. Впрок бы... Тем не менее нашему «научно-прогрессивному совету» следует подготовить подробные материалы и, как тут заведено...

– И предоставить всеподданнейший бла-бла на имя Е.И.В., – перебивая, «подпел» в хорошем настроении Шпаковский, расплывшись в улыбке, – работа уже ведется. Люди озадачены!

* * *

Если перевести время на местный часовой пояс, то где-то после часу пополудни Рождественский стал выводить свои корабли и суда из бухты.

На причалы высыпали петропавловцы, провожая эскадру. Скупно бахали салютные пушки – по мере снятия с бочек броненосцев, увитых сигнальными флажками, с парадно построенными на палубах матросами. С берега отвечали, вплоть до самочинной ружейной пальбы в воздух – люди увидели мощь и силу державы, и это не могло не волновать гордостью.

«Рион», еще прибитый угольной пылью, уже дополнил «Ослябю», выдвигаясь в дозорный авангард.

Остальные выходили медленно, степенно, друг за другом: «Суворов», «Александр».

«Маньчжурия» – скорей эскадренный транспорт, чем вспомогач, ремонт машин с использованием запасов с «Воронежа», обещал судну стабильный средний 15-узловый ход. Возможно, при надобности раскошегарили бы и большее, но пытаться машины на то нужды не видели.

Замыкающий «Воронеж» тащить с собой из-за тихоходности желания не было, но как судно обеспечения пароход был все же еще актуален.

Произошла интенсивная переброска сообщений и докладов по дальсвязи.

Рождественский извещал Петербург о выходе.

Петербург (в лице Авелана) капал на мозг Зиновия наставлениями.

Но за всем прослеживалось желание и надежда четкого графика: дат, контрольных точек, допустимых (плюс-минус) погрешностей.

Тут, на «Ямале», уже никто и не зарился на словесные ставки – просчитали целесообразность маршрута в обход Японского архипелага, так как проливы непредсказуемы, опасны минными банками и «торжественно» встречающими. А время неумолимо поджимало.

Дождались, и Зиновий Петрович лично жаловал общением в эфире, переговорив с капитаном ледокола.

После вежливых «попутного ветра» – одним на юг, другим на север, а адмиралу отдельно «побед и славы», наконец дано было некоторое разъяснение по поводу randevu с «Леной» и визитом чиновника особых поручений.

Командир вспомогательного крейсера Берлинский просил отсрочки, ссылаясь на неполадки в машинах. Связь обещал держать по беспроводному телеграфу, для чего тут же был произведен (для проверки) обмен условными сообщениями – связь была.

– Открытым текстом? – немного удивились в радиорубке на морзянку, вопросом обернувшись к капитану.

Чертов лишь пожал плечами.

А небо совсем прояснилось, и с всеобщего согласия (молча переглянувшись) решили проводить эскадру, совершив пролет над ордером беспилотником.

Чувствуя необъяснимую предвзятую торжественность.

«С чего бы?».

Присовокупив к этому порыву обоснованную рацию наальность – а почему бы и не поглядеть морское пространство по курсовому маршруту эскадры, насколько позволяла дальность летающей машины.

Предупредив, естественно, адмирала.

«Птичка» проходила на полукилометровой высоте, медленно набирая высоту.

Изображение качественное. Моргало красным в уголку экрана – велась запись.

Кильватерная колонна, оставляя широкую белую полосу, безбожно чадя обеспечителями (словно они вообще одной угольной пылью заряжены), терялась, терялась, уменьшаясь с набором высоты на просторах океана.

Зиновий отреагировал, приказав приветственно сменить «набор»¹⁹.

Знатоки из «ямаловцев» даже что-то там прочитали торжественно-возданное.

Картинка убежала вперед.

«Рион» дымил, пенил мористее, и прошли лишь над «Ослябей».

Крыльями и тут не покачали, однако и Бэр вслед проявил сентиментальность, зная, что могут сфотографировать – запоздало что-то флажно отсигналил.

Потом уж, когда «моторчик» пробежал на возможную дальность, доложили на прием командующему, что на сто миль море пустынно.

«Счастливого пути!»

На том почитай и попрощайся.

¹⁹ Флажные сигналы.

Назревая ситуацией...

Пошли вторые сутки. «Ямал» болтался в море в двадцати милях от берега, к югу от входа в Авачинскую бухту. Упаси боже подумать, что громилу водоизмещением в двадцать три с лишком тысяч тонн болтало на волнах – болтались ожиданием.

Видимость по горизонту держалась в пределах десяти километров. Море продолжало оставаться пустынным, а если на радаре и загорались метки, то ближе к прибрежной полосе – каботажные движения.

Эфир молчал, лишь шурша треском далекой неизвестной грозы.

Однажды сами послали запрос морзянкой (в конце концов, следовало определиться), так с «Лены» с задержкой ответили, что «продолжают производить починку машин».

– Тянут, – вздохнул нетерпеливый Шпаковский, взглянув на капитана, – ждут, когда наместник пожалует.

В ночь на вторые сутки вахтенный занес в журнал запись о крупном объекте на радаре, появившемся с южных румбов.

Неизвестное судно двигалось осторожно («явно по счислению» – заметил кто-то из соображающих в штурманских делах), держась сравнительно далеко от берега, пройдя всего в пяти милях от «Ямала». Ночь была по-северному непроглядная, курс «неизвестного» не пересеченный, поэтому с ледокола пока пассивно наблюдали, и даже якобы видели всполохи – предположили, что включался навигационный прожектор.

Продолжали вести наблюдение.

А едва забрезжил рассвет, судно сориентировалось и скользнуло в Авачинскую бухту.

– Будем надеяться, что это крейсер с Владика. Наместника привез.

Так оно и оказалось, поскольку спустя четыре часа поступил запрос с «Лены» на координаты randevu.

Дали в «квитанции» направление по компасу. Дистанцию указывать не стали, решили сами подойти ближе... ожив, тронувшись мягко, даже корпусом не задрожав, запенив море на «среднем».

– Какой все ж век неспешный, – без следа досады констатировал Шпаковский, когда только по прошествии двух часов РЛС, наконец, выдала движение у мыса Безымянный – южного створа в Авачинскую губу.

Капитан промолчал.

К этому времени опять легли в дрейф, так как до берега оставалось не больше десяти миль. Суша проглядывалась узкой темной полосой, посеребренной выше лучами солнца.

– Три, – доложил вахтенный, глядя на монитор радара, – селектирую три цели.

И чуть погодя:

– Одна на «зюйд» – кто-то из местных, очевидно... а две к нам – те самые гости.

– Двое? Целая компания, – Шпаковский выразительно посмотрел на кэпа.

Тот лишь мотнул головой. Ушел на перекур, заодно выглядывать дымы.

* * *

– «Рюрик!»

– А что тебя удивляет?

– Наши знатоки предполагали, что уже будет отремонтирован «Богатырь». И именно его, как более быстроходный корабль, Алексеев для себя любимого отождествит.

Броненосный и вспомогательный крейсера, как строем уступа подходили, так и застопорились – «Рюрик» совсем рядом, наполнив среду звуком машин, звякнувшими склянками, боцманскими дудками, долетавшими голосами... «Лена» отступом по его корме, тоже не больше чем в двух-трех кабельтовых.

Теперь оба медленно разворачивались, создавая подветренный борт для спуска шлюпок.

– Бля-я-я, – покачал головой Шпаковский, – а народу, особенно на вспомогаче, словно на базаре. Все выползли поглазеть.

На «Рюрике» медлили, возились со шлюпбалками и двумя паровыми катерами.

На «Лене» же справились быстрее – две шлюпки, поднырнув под бушпритом, побежали дружными хэкающими (ближе было слышно) взмахами... вместительные, в каждой пассажи-ров не меньше десяти человек.

– Целое нашествие, – покачал головой Чертов, – зачем к нам на борт такую ораву? Я не понял – это жандармская форма? На кой черт их так много?

– Я ж говорю, наместник путешествует с размахом, включая охрану. По истории, примерно в это время царь снял Алексеева с наместничества, и тот отправился в Петербург. Ну, точно с нами через Арктику решил. Или Николаша ему назначил.

– Придется принять, – а скепсис лишь рос.

Шлюпки уже отирались у трапа. Под бортом слышались окрики боцмана ледокола.

Его голос звучал настолько буднично и заурядно, словно каждый день принимал императорских жандармов – хмурых служивых, выраженных по всей форме. У некоторых дурацкие шашки или палаши. И все, кстати, при кобурах – с револьверами, не иначе.

Глядя на все это, действительно, что нашествие, боцман медленно закипал (это ж ему размещать всех – те еще хлопоты) и уже не особо деликатничал перед неуклюжими сухопутными:

– По одному, по одному! Что вы как беременные пингвины!

Полезли – затопало по железу, загрохало по настилу...

Параллельно слышны короткие команды парней Волкова, обеспечивающих контроль и порядок.

Чертов навис на леере, заглядывая вниз:

«Ну, да – морпехи молодцы! Команду получили – знают, что делать. А то черт их знает, этих царских держиморд с наганами... налицо – явный количественный перебор. Хозяинничать на ледоколе никому не позволим».

Последним из шлюпки двинул тип в штатском – гладкий, опрятный, прилизанный пробор, черные усыки, с аккуратным портфелем, во виду чинуша.

«Столичная штучка», – догадался Андрей Анатольевич.

Чиновник поднял голову, глаза – две пуговики блеснули антрацитами. Брякнул что-то матросу на кормовой банке.

Тот отмахал коротко флажками.

«Кому? Ага – на “Рюрик”».

Вскоре из-за кормы крейсера появился катер, попыхивая длинной трубой.

Тоже немало пригруженный... и компания пестрей. Главным выделяется солидный важностью и весом господин – однозначно сам Алексеев – стоит, прямой, цепляясь за поручень, борода чуть всклокочилась на ветру.

– Орел... генерал! – Голос Шпаковского из-за спины. – Хотя постой, на воде, да на палубе он адмирал.

Тоже в звании. И адъютанты – эполеты-аксельбанты при нем. И опять охрана, да еще и с карабинами. Серьезненько опекают начальничка.

– Что наши знатоки-РЯВщики об Алексееве... с ним можно дело иметь?

– По-разному. Не без самодурных загонов – за глаза величают Его Квантунское Величество. Но получается, что далеко не дурак.

– А жизнь его... как там вообще сложилась? – Андрей Анатольевич неопределенно повел подбородком, но помощник понял:

– В той, нашей реальности?

– Да. Его тоже большевики ухандокали?

– Не-ет. Не успел застать. В семнадцатом ушел, так сказать, своим ходом, – Шпаковский хмыкнул и неожиданно закашлялся, показывая по-детски пальцем: – Ё-мое! А пузан в рясе-то зачем? Точно поп? Ну да... поп.

* * *

Голос генерал-адъютанта, адмирала, наместника Е.И.В. на всем русском Дальнем Востоке соответствовал статусу и импозантности, звуча басовито и важно:

– Ну-ка, братец...

Даже боцман внизу притих.

Образ Алексева, его реакция на огромное, нетипичной архитектуры судно ничем бы не отличалась от поведения того же Дубасова или царя Николая.

Да, да! Поначалу все до смешного повторялось: невольное удивление (зрачки, характерная мимика), попытка не подать виду, дескать, «и не такое ви дели».

Присовокупим к этому неоспоримое желание показать, кто тут все-таки самая главная и важная персона, от кого зависит «быть или не быть».

В этом господа-превосходительства были до болезненности одинаковы.

Так и наместник – предстал осанисто, без наивности, лишь начальственная длань взгляда... веря или не веря (а сам факт путешествия во времени любого мог бы выбить из колеи), но, конечно же, не смея сомневаться в той информации, которой его снабдил спецкурьер из Петербурга.

А удивление и изумление, конечно, были! Было, да вышло все, когда по десятому, двадцатому... в сотый раз перечитал царское послание. В каюте «Рюрика», от Владивостока до Петропавловска.

Самым существенным являлось то, что наместник прибыл с определенной конечной миссией, получив четкие директивы за подписью Е.И.В., в связи с чем изначально имел предвзятое отношение к «населению» корабля из будущего.

Стоит оговориться, что те самые царские инструкции предлагали решить проблему «пришлых» по возможности самым мягким способом. Но уж если вдруг все пойдет по противоположному сценарию, полномочия позволяли действовать ультимативно и жестко, ставя условия при имеющихся аргументах. На то и жандармы с «Лены», на то и личные гвардейцы, и пушки крейсеров.

Обоснования поступить с потомками так, а не иначе, изложенные в высочайшем рескрипте, Алексеев счел вполне разумными, логичными и естественными. И сомнений каких-то быть не могло!

Первое. Порядки, заведенные в империи, не допускают никакого вольного статуса. Посему все «пришлые» должны присягнуть на верность императору, и по возможности принять православную веру.

Став подданными, они тем самым получают полную и безоговорочную защиту империи, ее вооруженных и полицейских сил. А также все причитающиеся поощрения, награды, высокие звания и чины, согласно уложениям и табелю.

Второе. Пришельцы являются не только благом, но и источником большой опасности. Как носители нежелательных идей, но перво-наперво являясь лакомым куском для ино-

странных держав. Тем самым представляя из себя дестабилизирующий фактор в мировых отношениях, могущий привести к нешуточным геополитическим противостояниям и военным конфликтам.

И третье – последний довод, если наместнику придется брать капитана ледокола в крутой оборот... это поставить господина Чертова и его ближайших помощников перед фактом, что императору известно о нестабильных политических взглядах в экипаже. И что ряд членов команды ледокола намереваются захватить власть на судне и перегнать его в САСШ.

А посему! Во-первых, во-вторых и в-третьих, обеспечение порядка и охраны объекта империя принимает на себя. Экипаж – обязать к содействию.

Только взглянув на представших перед ним людей, адмирал решил не наводить мути и интриг. Личное мнение о пришельцах еще не успело сложиться, но Алексеев вполне доверял собственноручной монаршей приписке, соглашаясь:

«Не лебезят, держатся просто. Пожалуй, даже слишком просто для достоинства. Однако оценка верная – никакого почтения».

Это его даже не раздражало в понимании нетривиальности действительности и обстоятельств.

И рубанул по-военному. Без экивоков:

– Властью, данной мне Его Императорским Величеством, имею предписание...

«Вот так, значит!» – Выслушав тираду... взбрыкнули бунтом, заскребли наждаком мысли, полетели ножи-взгляды – Чертов исподлобился на торжественного и многозначительного его высокопревосходительство.

И в этой его многозначительности легко можно было угадать: «присоединяйтесь, господа, а не то...».

«Вот так, значит, – накатило уже более спокойное, потому как подобный расклад ожидался. Другое дело, что позже, по возвращению на Мурман, – другое дело, что на фига так выпячивать силу?»

Пришло запоздалое понимание: «А ведь это удар по моему авторитету перед экипажем!»

Колыхались позади важной фигуры адъютанты. Остались за кадром... за дверью жандармы, гвардейцы личной охраны – тесно в малом конференц-зале.

«Но бородатого авторитета это не смущает – уверен? ...самоуверен? ...смел?»

И вернулась злость.

«Да все эти сатрапы парням Волкова на один зуб, дай только знак... не пожалев обивку! Вот только против, сука, пушек не попрешь».

И панорама из иллюминаторов представляла подтверждение.

«Вон он – серый лебедь “Рюрик”. Коптит, пары держит. Стволы в сторону, по-походному, но торчат весомо, только повернуть, довернуть на цель при надобности!

Но каков же царь – так по-скотски. Или дурак. Или там другие силы подвизались?

Или “англичанка гадит?” Или это самое естественное и рациональное решение для империи, для любого государства – хапать? У вас, господа-товарищи, есть равное право на выбор – никакого выбора, никакого права!»

Гнев застил разум.

Пауза затянулась... нечто уже чувствовалось в воздухе, тянуло вязкостью напряженного ожидания.

«Водки жирануть, что ль? – подумалось совсем невпопад. – Совсем невпопад, черт, надо что-то отвечать, а я о ерунде. Вона, как все напряглись».

Звук тренькнувшего телефона внутрисудовой связи спугнул стаю мыслей, заставив вздрогнуть.

Трубку взял начбезопасности. Выслушав, лаконично озвучил:

– На радаре наблюдаются два объекта, с зюйд-оста. Судя по курсу и скорости, скоро мы будем в пределах их видимости.

И глядел, пряча превосходство, как повело компасы взглядов – наместника и свиты адъютантской, на иллюминаторы... за иллюминаторы.

– Зюйд-ост там, Ваше высокопревосходительство.

А его высокопревосходительство хмурит, щурит левый, целя правым прицелом. Незнакомое слово «радар» проглотил, не заметив, поняв основное – обнаружены неизвестные суда. Буравит взглядом навыворот водную гладь – вдаль, предполагая увидеть дымы. Дергает бровью, услышав вкрадчивое предложение капитана.

– Пожалуй, нам следует отойти мористее к норду. Не стоит показывать кому попало ледокол.

Кто-то из адъютантов услужливо извлекает бинокль, перешептываясь, ропщут:

– На горизонте ни облачка, ни дыма.

Адмирал тяжело засопел – читаются мысли... и те же ножи ответные, недоверчивые, подозрительные, накручивая себе, распаляясь:

«Что за выдумки, что за уловки? Господин Чертов изволит тянуть время? Или вдруг думает сбежать, надеясь на ходовые качества или еще чего? Какая глупость. Намекнуть ли ему о государственном позволении на случай казусной ситуации... вплоть до применения артиллерии? Нет, не отвертеться вам, господа пришельцы из будущего!»

– У нас имеются приборы, которые видят на двадцать миль, – натянутое объяснение капитана, слегка презрит усмешкой, – не верите? Пройдемте на ходовой мостик – покажу.

Приборы, аппараты, лампочки, экраны и осознание, что сие есть продукт технологий из будущего, в другой раз – бог весть, повергли бы Евгения Ивановича в трепет любопытства.

Да только бесили снисходительные нотки (словно с дитем малым) объяснений принципов работы оных электронных машин, а потому зеленые светящиеся точки, что ползли по черному экрану, казались совсем неубедительными.

– Склонен полагать... – застряло в адмиральской глотке – «морочит мне голову, наглец». И вспылит: – Вздор! Мы не строимся с места, господин капитан, пока не придем к конечному решению!

«А говорили, адекватный, – Чертов хмурно переглянулся с помощником, – а говорили, не дурак! Или налитый психом и спесью индюк не врубается, черт бы его побрал?»

И забыв обо всех правилах такта, предложил без обиняков:

– Давайте, ваше высокопревосходительство, пройдем в радиорубку, у нас с Петербургом есть связь, – подчеркнул, нажав, – голосовая. Вы переговорите с Авеланом... с самим императором, если...

– Да как вы смеете?! – вспыхнул генерал-адмирал, едва не захлебнувшись. Черт его знает отчего? От того ль, что к нему обратились столь неподобающим образом, или что императора затронул?

А позади нервно дергался чин особых поручений – сверлил своими пуговками, уже который раз порываясь что-то сказать. Да лишь губами шлеп-шлеп – поперек наместника пойти не решаясь, а...

А все ж сподобился, даже не предметно, а одним обращением к ... прося за ...:

– Ваше высокопревосходительство! Ваше высоко... – становясь на сторону чужаков – видимо, в теме был, разумел «петербуржец», к чему может привести упрямое непонимание наместника, – сие есть разумное предложение.

В радиорубку все-таки прошли, сделав запрос, установив контакт с Царскосельским пунктом. Вот только Авелана на месте не оказалось. Не застали. А звать императора не осмелились... ни сами (наместник: «да как так можно!»), ни там, в Царском.

А время вышло.

– Дымы на горизонте!

* * *

Алексеев не оттаял – не тот человек, чтобы быстро менять настроения, тем более добреть. Но офицера на «Рюрик» отправил с приказом командиру крейсера:

– Катер под трапом. Капитану первого ранга Трусову идти на сближение, досмотреть, кто такие. Ежели что, заворачивать их. Нечего им тут!

Перешли на ходовой мостик. В этом случае петербургский чиновник снова проявил строптивость и полномочия, приватно забубнив что-то адмиралу – расслышалось лишь «взять роспись об умолчании», и часть свиты наместника осталась в конференц-зале. С другими людьми, с позволения Алексеева, статский советник быстро проводил инструктаж, открыв свой портфельчик, шелестя бумагами.

И непременно следом известив капитана судна, что допуск у свитских по-прежнему остается в грифе «Немо» – то есть «тайно построенное судно», и... «ни о каких путешествиях во времени! Молчок! В том числе всем, всем из экипажа, кто будет контактировать с вновь прибывшими».

Засновали шлюпки и катера.

Вышла небольшая заминка (на полчаса), так как Алексеев пожелал иметь обратную связь с крейсерами, полагаясь исключительно на своих телеграфистов. Нужного специалиста пришлось специально дожидаться с «Рюрика». Этим же катером прибыли два сигнальщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.